Многоуважаемому Петру Борисовичу Маскольскому въ ознаменованіе совмѣстной работы отъ автора

М. Я. ЛАЗЕРСОНЪ.

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТЪ ПЕТРОГРАДСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

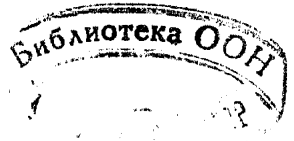
КЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОСТАНОВКѢ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДОКУМЕНТОВЪ).

ПЕТРОГРАДЪ.

1917.

„Пров 38"



071
41

Посвящается

брату моему

Моисею.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая работа была написана до россійской революціи 1917 года. Въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ она въ видѣ доклада была прочитана въ январѣ 1917 г. въ Еврейскомъ Историко-Этнографическомъ Обществѣ и напечатана въ №№ 3, 5—6, 7 и 8-мъ „Новаго Пути“ за 1917 годъ (январь и начало февраля).

Съ тѣхъ поръ россійская революція въ корнѣ измѣнила положеніе русскаго еврейства и — тѣмъ самымъ — возможности и перспективы международной постановки еврейскаго вопроса. Въ виду этого авторъ менѣе всего склоненъ отстаивать неизмѣнность и непререкаемость всѣхъ выдвинутыхъ имъ въ настоящей работѣ положеній. Два факта существенно измѣнили то положеніе, которое существовало въ 1915—1916 г.г.,—во время возникновенія и писанія этой работы. Первое. Россійская революція не только (актомъ 21-го марта 1917 г.) перевела многомилліонное русское еврейство изъ состоянія парія въ полноправное гражданское состояніе, но и разворачиваетъ теперь передъ нимъ свѣтлую перспективу персонально-автономнаго бытія. Этотъ фактъ огромнѣйшей важности въ состояніи заслонить нынѣ всѣ

перспективы международнаго свойства и придать имъ какъ бы второстепенное значеніе. Вопросы о положеніи евреевъ будущей самостоятельной Польши, Румыніи, Галиціи, Палестины, Марокко и т. д. кажутся нынѣ второстепенными по сравненію съ судьбами еврейской метрополіи, — численно преобладающаго русскаго еврейства. Но, во-вторыхъ, та же россійская революція, измѣнивъ внутреннее положеніе русскаго еврейства, измѣнила и международные факторы. Она сама въ лицѣ Временнаго Правительства и органовъ революціонной демократіи стала такимъ факторомъ. При такихъ условіяхъ было бы странно отказаться отъ использованія въ интересахъ преслѣдуемыхъ частей еврейскаго народа новый международный факторъ, — оффиціальную Россію, превратившуюся, благодаря революціи, въ вѣковѣчномъ еврейскомъ процессѣ изъ подсудимой въ апелляціонную инстанцію.

Но, мало того, измѣненія произошли не только въ Россіи. Есть всѣ основанія полагать, что, благодаря начавшемуся властному вмѣшательству европейскихъ рабочихъ демократій въ международныя отношенія, нынѣшній укладъ междугосударственныхъ отношеній съ сопровождающими его институтами войны и дипломатической тайны будетъ обреченъ на смерть и замѣненъ новымъ упорядоченнымъ публично-правовымъ укладомъ. Этотъ новый международный строй долженъ будетъ превратить нынѣ существующую систему шаткихъ соглашеній между *государствами* (читай правительствами!) въ подлинное между*народное* право, знающее въ качествѣ правомочныхъ субъектовъ не только государства, но и

народы, независимо отъ того, являются ли они „державными, „государственными“ націями или входятъ въ составъ другихъ многонародныхъ государствъ въ качествѣ не - государственныхъ національностей.

При такихъ условіяхъ выдвинутая мною въ настоящей работѣ идея признанія еврейскаго народа субъектомъ международнаго права не можетъ нынѣ казаться столь неосуществимой, какъ до марта 1917 года. Вставленная въ конкретныя рамки новаго международнаго уклада, разворачивающаго и передъ „малыми“ не - государственными національностями новыя дали, идея эта облекается живою плотью и кровью.

Пусть поэтому настоящая работа, посвященная совершенно неразработанной до сихъ поръ нови, послужитъ если не отвѣтомъ на международную постановку еврейскаго вопроса, то хотя бы одною изъ руководящихъ нитей въ томъ живомъ обмѣнѣ партійно-политическихъ мнѣній, который долженъ возникнуть на предстоящемъ Всероссійскомъ Еврейскомъ Съѣздѣ въ связи съ IV пунктомъ порядка дня, включающимъ вопросъ объ обезпеченіи правъ евреевъ въ другихъ странахъ (Польшѣ, Палестинѣ, Румыніи и др.).

АВТОРЪ.

Петроградъ,
Май 1917 г.

I.

Новая постановка еврейскаго вопроса.

Настоящая работа ставитъ себѣ задачей дать анализъ нынѣшнему состоянію еврейскаго національнаго вопроса на почвѣ его дѣйствительнаго многогосударственнаго бытія, въ предѣлахъ всего разсѣянія. Только на почвѣ анализа этого бытія и подлиннаго національнаго самосознанія евреевъ возможно построеніе національной еврейской внѣшней политики въ настоящій отвѣтственный моментъ міровой исторіи.

Авторъ сознаетъ всѣ трудности разрѣшаемой имъ проблемы. Современная общественная наука вообще еще не выработала метода адэкватнаго правильнаго изслѣдованія національной проблемы. Къ ней подходили съ соціально-экономической, государственно-правовой и злободневно-политической точекъ зрѣнія, но удовлетвориаельное разрѣшеніе ея пока все такъ же близко и все такъ же далеко. Тѣмъ труднѣе подойти къ разрѣшенію еврейскаго національнаго вопроса, ибо онъ, какъ это признано многими изслѣдователями національнаго вопроса (К. Каутскій, Отто Бауэръ и др.) занимаетъ совершенно особое мѣсто въ ряду другихъ національныхъ вопросовъ. Съ тѣми вполнѣ конкретными внѣшними методами и признаками, съ которыми обычно подходятъ къ разрѣшенію другихъ національныхъ проблемъ (признаки расы, языка, общей территоріи и т. д.) здѣсь подойти нельзя. Врядъ ли будетъ поэтому преувеличеніемъ сказать про еврейскій народъ словами извѣстнаго credo Моисея Маймонида; „онъ не тѣло и его не могутъ познавать познающіе тѣло и для него нѣтъ абсолютно никакого сравненія“.

Это, конечно, не означаетъ того, что еврейскій народъ есть какая-то мистическая сущность, это означаетъ только то, что методы изученія еврейскаго вопроса должны пойти глубже познанія тѣла и тѣлесныхъ признаковъ, что, какъ ниже подробнѣе будетъ показано, въ еврейскомъ вопросѣ особенно важенъ элементъ національнаго сознанія, правосознанія и самоопредѣленія.

Всѣ еврейскія политическія программы въ одной своей части,—части внѣшнеполитической потому и оказались такъ сказать политически несоизмѣримыми съ положеніемъ еврейства. При построеніи различныхъ политическихъ программъ брались за исходную точку—или лучше сказать рабски копировались—политическое бытіе и политическія требованія концентрированныхъ и прикрѣпленныхъ къ опредѣленной территоріи народовъ, при чемъ забывалось, что бытіе еврейскаго народа не имѣетъ сравненія, „что оно единственно въ своемъ родѣ“. Этотъ исключительный характеръ еврейскаго національнаго вопроса признали многіе изслѣдователи его, въ томъ числѣ въ послѣднее время Карлъ Каутскій, но, тѣмъ не менѣе, выводъ изъ этого еврейская демократія не дѣлала, довольствуясь старыми политическими рецептами народовъ, жившихъ и развивавшихся существенно иначе, чѣмъ евреи. Она, хорошо усвоила принципы англійской великой хартіи вольностей, великой французской революціи 1789 г. и всѣхъ послѣдующихъ хартій и программъ европейскихъ народовъ, будь то державные народы или народы меньшинства. Между тѣмъ, ни французскій типъ классической націи-государства, ни австрійскій типъ націи-меньшинства, не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ основныхъ чертъ положенія еврейскаго народа. Послѣдній типъ только до извѣстной степени приближается къ положенію еврейскаго народа.

Политическая программа еврейской демократіи—если она хочетъ быть послѣдовательной—должна соотвѣтствовать бытію еврейскаго народа. Это бытіе—чего никто отрицать не будетъ—многогосударственно, слѣдовательно, эта многогосударственность должна найти себѣ отраженіе въ демократической программѣ. Помимо „внутренней“ политики должна быть создана и „внѣшняя“.

Впрочемъ, настоящая война и въ другихъ національныхъ вопросахъ (румынскомъ, итальянскомъ, польскомъ и др.) обнаружила внѣшне-политическія, международныя стороны; что же удивительнаго, если эта война, безжаластно обнаживъ корни еврейскаго многогосударственнаго бытія, насильно заставляетъ насъ обратить вниманіе на международный моментъ.

Пути разрѣшенія еврейскаго вопроса шли до сихъ поръ въ двухъ направленіяхъ: 1) либо въ направленіи исключительно мѣстно-государственнаго разрѣшенія интересовъ и защиты правъ мѣстнаго еврейскаго населенія (сюда относятся, напримѣръ, всѣ русско-еврейскія партіи, начиная съ либеральныхъ и кончая крайнею лѣвою); либо 2) въ направленіи чисто дипломатически-между-народномъ, съ отодвиженіемъ мѣстной борьбы на роль вспомогательную (сюда относятся всѣ разновидности сіонизма и территоріализма). Какъ бы эти два направленія ни считались принципіально-противоположными, они имѣли одну важную общую черту-рабскую приверженность территоріальному началу. Разница между обоими направленіямя состояла въ томъ лишь, что первое ограничивало себя политически предѣлами государства мѣстнаго поселенія, второе переносило подлинно политическія задачи изъ діаспоры въ обѣтованную землю.

Мы предлагаемъ третій путь. Этотъ путь равно далекъ и отъ неумѣстнаго политическаго самоограниченія предѣлами мѣстнаго отечества и отъ мессіанскихъ мечтаній второго исхода. Еврейскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ при рабской приверженности территоріальному началу, ибо тогда неизбѣжно рождается дилемма: либо принципіально уѣхать (на другую территорію), либо принципіально остаться на мѣстѣ (на территоріи даннаго отечества), не возбуждая международныхъ вопросовъ. Нашъ третій путь этой дилеммы не ставитъ: онъ точно соотвѣтствуетъ бытію еврейскаго народа и въ мѣстномъ отечествѣ и на пространствѣ всего міра,—это путь внутренно-политической борьбы и персоналистическаго международнаго признанія еврейскаго народа въ качествѣ такового.

II.

Національное сознаніе и стремленіе къ объединенію.

Въ венгерскомъ перламентѣ въ 1848 г. произошелъ интересный разговоръ между извѣстнымъ венгерскимъ національнымъ дѣятелемъ Кошутомъ и сербскимъ депутатомъ. Кошутъ спросилъ серба „Что такое нація?“ Сербъ отвѣтилъ: „Раса, которая обладаетъ собственнымъ языкомъ, обычаями и культурою и достаточнымъ самосознаніемъ, чтобы сохранить ихъ“. „Нація должна также обладать собственнымъ правительствомъ“ — замѣтилъ Кошутъ. „Мы такъ далеко не идемъ“,—возразилъ его сербскій собесѣдникъ,—„одна нація можетъ жить подъ властью нѣсколькихъ различныхъ правительствъ“.

Этотъ разговоръ, происшедшій на зарѣ зарожденія національныхъ движеній въ Западной Европѣ, закрѣпляетъ двѣ точки зрѣнія, которыя стали исходными для дальнѣйшаго развитія національнаго вопроса: точку зрѣнія территоріальную и точку зрѣнія персональную. Еврейству суждено было существованіемъ своимъ доказать жизнеспособность идеи персональной націи, живущей не только подъ властью нѣсколькихъ, но подъ властью великаго множества различнѣйшихъ правительствъ самыхъ различныхъ режимовъ самыхъ различныхъ эпохъ.

Великая война современности опять подняла національный вопросъ и поставила его и передъ государственными націями (французами, бельгійцами, румынами, итальянцами и др.) и передъ не-государственными (поляками, украинцами и др.),—поставила она этотъ вопросъ въ новой, быть можетъ, жесточайшей формѣ передъ единственнымъ многогосударственнымъ—или, если угодно—омнитерриторіальнымъ народомъ—евреями. Евреи во всѣхъ воюющихъ арміяхъ Европы имѣютъ своихъ представителей, борющихся каждый за побѣду всей арміи. Если бы отдѣльный человѣкъ вздумалъ такъ тратить свои силы, какъ еврейскій народъ, онъ давно бы погибъ, если бы какой-либо механикъ выдумалъ бы

подобное сочетаніе силъ въ одномъ механизмѣ, онъ получилъ бы въ результатѣ машину, которая при помощи максимальной тратѣ силъ достигаетъ минимальныхъ результатовъ Сознательно или безсознательно, но такое многогосударственное бытіе въ мирное время есть распыленіе національныхъ силъ, въ военное время—взаимоистребленіе.

Таковы неумолимые факты. Можно ли при ихъ наличіи говорить о томъ, что характернымъ признакомъ еврейской національности является языкъ или территорія? Стоитъ только поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтить на него отрицательно. Понятно, что единственнымъ моментомъ концентраціи является моментъ психологическій—національное сознаніе. Мы видимъ, что именно у евреевъ, лишенныхъ территоріи и языка, психологическій признакъ выступаетъ ярче всего,—признакъ національнаго самосознанія.

Понятіе нации или національности не можетъ быть найдено въ области внѣшне-физическаго міра. Наличіе общности языка не гарантируетъ наличности общности національной: ирландцы и англичане говорятъ на одномъ языкѣ—англійскомъ, но чувствуютъ себя различными націями, наличіе общей территоріи еще менѣе говоритъ объ общности націи (ср. многочисленные примѣры народовъ-меньшинствъ). Только сознаніе себя въ качествѣ члена опредѣленной націи является рѣшающимъ,—по отношенію къ этому другіе признаки—языкъ, внѣшнія физическія черты и т. д.—могутъ быть только вспомогательными указаніями, по которымъ можно съ большей или меньшей вѣроятностью распознать національность лица. Національное сознаніе есть сознаніе особаго рода *общности во внутрь*, т. е. во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ между собою и *особности во-внѣ*, отличающееся отъ сознанія государственной, общинной или классово-экономической общности лишь предметомъ, объектомъ сознанія. Если въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о сознаніи мѣстной пространственной общности, вытекающей изъ того, что люди данной публичной организаціи имѣютъ общіе мѣстные или классовые общіе интересы и притязанія, то національное сознаніе опредѣляется иными моментами. Въ плоскости этого сознанія мнѣ, какъ члену опредѣленной націо-

нальности, соотвѣтствуютъ и со мною солидаризируются не люди той же мѣстности, той же профессіи или той же классовой принадлежности, но люди, коихъ я считаю одинаковой со мною національности, хотя бы это были мои антагонисты съ точки зрѣнія мѣстной, профессіональной или классово-экономической. Въ плоскости національной еврей-рабочій солидаризуетъ себя не съ рабочимъ-русскимъ, а съ другимъ евреемъ, будь то рабочій, или крестьянинъ, или предприниматель. Я считаю своего ближняго соплеменникомъ тогда, когда считаю его проникнутымъ тѣмъ же національнымъ сознаніемъ, что и я. Что же такое національное сознаніе? Это есть такое сознаніе, при которомъ я считаю себя обязаннымъ беречь отъ нападеній и развивать тотъ комплексъ культурныхъ и психическихъ благъ, который я считаю національнымъ. Это сознаніе мое сочетается съ сознаніемъ, что мои соплеменники имѣютъ право требовать отъ меня подобнаго же отношенія къ опредѣленному комплексу національныхъ благъ. Такимъ образомъ, національное сознаніе есть императивно-атрибутивное, повелительно-притязательное переживаніе, обусловленное сознаніемъ принадлежности къ опредѣленному общенію. Національностью (или націею) можно назвать группу людей, проникнутыхъ національнымъ сознаніемъ. Такимъ образомъ, въ основѣ этихъ опредѣленій лежитъ представленіе о существованіи комплекса культурныхъ и психологическихъ національныхъ благъ. Этотъ комплексъ въ сознаніи членовъ опредѣленной націи можетъ быть болѣе или менѣе великъ, онъ текучъ, но этимъ не дѣлается неустойчивымъ понятіе націи, подобно тому, какъ измѣненіе величины или функцій государства ничего не мѣняетъ въ опредѣленности государственнаго сознанія. Вопросъ о томъ, какъ великъ этотъ комплексъ, изъ какихъ составныхъ частей онъ состоитъ, есть вопросъ дальнѣйшій, всецѣло зависящій отъ конкретныхъ историческихъ и иныхъ условій.

Важно было установить, что національное сознаніе, поскольку оно получаетъ ясное, сознательное выраженіе, а не теряется въ „подсознательномъ“ и не смѣшивается съ другими переживаніями, относится на высшихъ своихъ сту-

пеняхъ къ правовымъ переживаніямъ, а это влечетъ за собою рядъ слѣдствій, играющихъ важную роль и для нашего еврейскаго національнаго вопроса.

Національное правосознаніе принадлежитъ къ тому типу правовыхъ представленій и переживаній, которыя можно назвать публично-правовыми въ отличіе отъ частно-правовыхъ. Въ этихъ публично-правовыхъ представленіяхъ господствуетъ понятіе общаго служенія, мотивировка поведенія идетъ соціоцентрически, вотъ почему съ публичнымъ правомъ неразрывно связана система централизаціи съ планомѣрною организаціею. Въ области національной публично-правовое сознаніе требуетъ созданія общаго центра, по отношенію къ которому отдѣльные члены націи или ихъ организаціи являются іерархически подчиненными. Въ этомъ глубокое отличіе публичнаго права отъ частнаго, въ которомъ отсутствуетъ моментъ общаго служенія, въ которомъ признается „система раздѣльности и самостоятельности множества отдѣльныхъ лицъ и хозяйствъ". Частно-правовой типъ правосознанія замыкаетъ сферу правосознанія вокругъ даннаго лица или группы лицъ, объединенныхъ своими цѣлями, чуждыми общаго служенія, лозунгами частнаго права являются такія изреченія, какъ „laissez faire, laissez passer" („предоставьте все своему ходу"), „noli me tangere" („не троньте меня") или „qui suo jure utitur neminem laedit" („кто осуществляетъ свое право, никому не причиняетъ вреда") и т. д. Чтобы выяснить это на сравненіи, мы скажемъ, что общество, проникнутое частно-правовымъ сознаніемъ, такъ относится къ обществу, проникнутому публично-правовымъ сознаніемъ, какъ кусокъ ненамагниченнаго желѣза, въ которомъ молекулярные магниты направлены въ разныя, другъ другу противоположныя стороны, къ куску намагниченнаго желѣза, въ которомъ всѣ молекулярные магниты направлены въ одну сторону.

Всѣ приведенные частно-правовые принципы не мирятся съ національнымъ правосознаніемъ, которое направлено соціоцентрически и создаетъ извѣстный солидаризмъ. Каждый членъ націи, проникнутый національнымъ правосознаніемъ, обязанъ содѣйствовать общему національному

благу, благу того цѣлаго, по отношенію къ которому каждый считаетъ себя іерархически подчиненнымъ, если не въ качествѣ государственнаго подданнаго или гражданина, то въ качествѣ члена націи. Это выражается исконнымъ еврейскимъ тезисомъ: „Kol Isroel chawerim". На примитивныхъ стадіяхъ національнаго сознанія это выражается въ признаніи круговой поруки націи за поведеніе отдѣльныхъ членовъ націи, въ идеѣ „chilul haschem" и т. д. На болѣе высокихъ стадіяхъ національнаго правосознанія появляется стремленіе къ позитиваціи, къ осуществленію потенціально существующаго сознанія національной солидарности. Развитое національное правосознаніе требуетъ созданія опредѣленной національной организаціи, по отношенію къ которой отдѣльные члены націи могли бы себя чувствовать дѣйственно-обязанными и управомоченными. Для государственнаго народа, т. е. націи, цѣликомъ образующей особое государство, какъ, напримѣръ, французы, роль такой національной концентраціи исполняетъ свое государство и всѣ его учрежденія, представительныя и иныя. Для народа, не имѣющаго собственнаго государства и входящаго въ составъ другого (какъ, напримѣръ, эсты, латыши и другіе въ Россіи), мѣстные органы самоуправленія и прочія публично-правовыя учрежденія до извѣстной степени создаютъ суррогатную почву для выявленія національнаго правосознанія, но уже и здѣсь, поскольку не существуетъ верховнаго національнаго центра, національное правосознаніе уже не можетъ правильно развиться. Но въ неизмѣримо болѣе высокой степени это относится къ современному еврейству.

Національное правосознаніе евреевъ не получаетъ поддержки и не воспитывается обще-національными учрежденіями, ибо таковыхъ у еврейскаго народа, разбросаннаго по всему земному шару—а въ отдѣльныхъ государствахъ разбросаннаго, почти всегда, въ пропорціяхъ меньшинства—нѣтъ, не существуетъ даже суррогатовъ подобныхъ центральныхъ учрежденій. Существованіе еврейскаго народа не только чуждо элементовъ публично-правового устроенія, но какъ бы спеціально приспособлено къ самой неорганизованной децентрализованной системѣ существованія, при

которой господствуетъ принципъ „laissez faire, laiez passer“ и при которой каждая государственная секція только и мечтаетъ о „noli me tangere“. Еврейскій народъ во всей его совокупности это тотъ размагниченный кусокъ желѣза, о которомъ я выше говорилъ.

Тѣ учрежденія, которыя близорукими антисемитами называются всемірно-еврейскими, абсолютно таковыми не являются, хотя и носятъ названіе, могущее дать поводъ причислить ихъ къ вселенско-еврейскимъ. Таково, напримѣръ, „Alliance Israélite Universelle“ („Всемірный Еврейскій Союзъ“). Этотъ „союзъ“ есть по существу благотворительно-просвѣтительное учрежденіе французскаго еврейства, распространяющее свою дѣятельность на Ближній Востокъ, но отнюдь не на весь міръ, и, что важнѣе всего, сообразно духу французскаго еврейства, чуждаго всякихъ національныхъ стремленій, союзъ этотъ не проникнутъ духомъ національно-правовой работы, а всецѣло пропитанъ вѣроисповѣдно-благотворительнымъ характеромъ. Приходится поражаться тому, что еврейскій народъ, все же обладающій довольно большими массами національно-сознательныхъ элементовъ, до сихъ поръ не сумѣлъ создать никакой вселенской концентраціи и что даже нѣтъ на лицо суррогатовъ таковой. То, чего уже давно добились группы одинаково-мыслящихъ людей различныхъ націй, не добилось еврейство. Не только соціалисты, ставящіе себѣ цѣлый рядъ задачъ, лежащихъ въ международной плоскости, но и различныя профессіональныя группы: ученыхъ, промышленниковъ и т. д., религіозныя секты и др. создали себѣ соотвѣтственные вселенскіе центры, между тѣмъ какъ еврейскій народъ до сихъ поръ ничѣмъ не подкрѣпляетъ, не объединяетъ и не организуетъ своего національнаго правосознанія.

Слѣдуетъ разъ на всегда установить, что отсутствіе всякой координаціи дѣйственнаго національнаго сознанія, отсутствіе учрежденій, питающихъ и поддерживающихъ это сознаніе, крайне вредно, быть можетъ, гибельно для націи съ точки зрѣнія демократически-національной. Мы выше уже указывали, что національное сознаніе относится къ правосознанію. Изъ этого вытекаетъ, что, какъ всякое пра-

восознаніе, и національное нуждается въ извѣстной обстановкѣ, воспитывающей и поддерживающей это правосознаніе; если этой обстановки нѣтъ, то и національное самосознаніе должно начать вырождаться, хирѣть и медленно, но неотступно исчезать. Національное сознаніе вовсе не неизбѣжно должно быть присуще всякому гражданину государства, каждому отдѣльному лицу. Существующія условія жизни, существующія публичныя и другія учрежденія могутъ давать пищу, достаточную, такъ сказать, для правового питанія а-національнаго субъекта. Тѣмъ болѣе это возможно для евреевъ. Каждый изъ нихъ живетъ въ отечествѣ, въ государствѣ, чуждый національнаго сознанія, онъ быстро поглощается правовою и государственною атмосферою того мѣста, гдѣ онъ находится, его интересъ къ общественной и политической дѣятельности находитъ удовлетвореніе и примѣненіе въ области, лежащей внѣ національной сферы. Такъ и происходитъ медленный процессъ денаціонализаціи или, какъ чаще говорятъ, ассимиляціи.

Какъ только исчезаетъ та конкретная атмосфера національной работы, въ которой соплеменники совмѣстно работаютъ и другъ друга заражаютъ и воодушевляютъ, такъ вмѣстѣ съ этимъ готова почва для слиянія, часто предшествующая сліянію физическому, растворенію путемъ смѣшанныхъ браковъ и т. д., въ господствующемъ или окружающемъ народѣ. И это явленіе становится обще-народнымъ, оно касается всѣхъ слоевъ и соціальныхъ классовъ народа. Вотъ почему мы, напримѣръ, видимъ, что евреи ассимиляторы имѣются не только хотя бы въ средѣ американскаго буржуазнаго еврейства, но и среди евреевъ-соціалистовъ, особенно внѣ Россіи.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что та еврейская демократія,—пролетарская и мелко буржуазная,—которая не хочетъ ни сознательно, ни безсознательно служить дѣлу ассимиляціи, которая не считаетъ національное самоопредѣленіе пустою программною фразою, не можетъ не увидѣть въ этой національной дезорганизаціи прямой опасности. Ссылки же на то, что всякая жизнеспособная нація имѣетъ достаточно прочныхъ корней и потому не нуждается въ поли-

тическихъ и юридическихъ гарантіяхъ своего правильнаго развитія, должны быть признаны нелѣпыми въ отношеніи всякой національности, даже территоріально сосредоточенной. Это доказывается борьбою хотя бы австрійскихъ національностей за свои права. Но вдвойнѣ нелѣпы были бы эти ссылки по отношенію къ внѣ-территоріальному еврейскому народу.

Лишенное возможности работать въ общенаціональныхъ учрежденіяхъ, истинное національное сознаніе у большинства просто исчезаетъ, а у меньшинства превращается въ безпочвенную идеологію,—въ лучшемъ случаѣ мистически-романтическаго характера, въ худшемъ случаѣ—націоналистически-шовинистическаго. Отъ обоихъ этихъ устремленій демократія должна держаться какъ можно болѣе далеко. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она должна стремиться къ созданію той положительно-правовой координаціи, той концентраціи, которой неизбѣжно требуетъ живое національное сознаніе и прежде всего,—въ качествѣ необходимой предпосылки этой координаціи,—признанія евреевъ націей. Безъ этого признанія, безсмысленно признавать право на самоопредѣленіе, безъ признанія евреевъ націею во всемъ объемѣ ихъ дѣйствительнаго бытія, нелѣпо говорить о какихъ-то правахъ евреевъ на что-то.

III

„Историчность“ еврейской національности.

На пути цризнанія евреевъ націею стоятъ до сихъ поръ какъ это ни странно, не только препятствія международно-политическаго характера, что было бы въ порядкѣ вещей но и принципіально-теоретическія соображенія. Остановимся только на одномъ соображеніи, особенно важномъ для цѣлей нашей работы, на общемъ отрицаніи за евреями характера національности.

Такой изслѣдователь національнаго вопроса, какъ Отто Бауэръ (см. его „Національный вопросъ“ русск. пер. 1909 г.

СПБ.), считаетъ, что еврейство, какъ нація, существовало лишь до тѣхъ поръ, пока евреи играли роль единственныхъ торговыхъ посредниковъ въ Европѣ, пока ихъ окружало натуральное хозяйство. Съ тѣхъ же поръ, какъ евреи перестали быть монополистами торговаго капитала, и христіане въ этомъ смыслѣ стали евреями, евреи перестаютъ быть націею. Такимъ образомъ у Бауэра, какъ раньше у Карла Маркса—еврейскій народъ мыслится соціально-однороднымъ и соціальнымъ монополистомъ. Какъ только эта соціальная однородность—понятіе „народа торговцевъ“ — нарушается, и въ средѣ евреевъ появляются представители и слои иныхъ соціальныхъ классовъ, а въ средѣ другихъ народовъ появляются торговцы и посредники,—такъ еврейство начинаетъ исчезать. Въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 389 русск. перевода) Бауэръ говоритъ: *„Евреи могли бы стать историческою націею, если бы они вообще могли остаться націею, но капиталистическое общество вообще не позволяетъ имъ остаться націею“* (курсивъ автора).

Совершенно непонятно, почему именно только евреи могутъ быть либо однороднымъ соціальнымъ классомъ, либо вовсе не быть. Почему другимъ народамъ не предъявляется такая дилемма? Почему другіе народы, являясь въ одинъ историческій періодъ однимъ соціальнымъ цѣлымъ, въ другой періодъ могутъ совершенно измѣнить свой соціальный составъ? Почему то, что для другихъ народовъ есть только стадія развитія, для евреевъ должно явиться смертнымъ приговоромъ?

Отвѣты на эти недоумѣнные вопросы мы найдемъ, если убѣдимся въ томъ, что эти пророчества покаятся на наивно-реалистическихъ конструкціяхъ своеобразнаго экономическаго матеріализма, совершенно игнорирующаго моментъ національнаго правосознанія. Если бы утвержденія Бауэра были вѣрны, то евреи, какъ нація, не только давно уже должны были исчезнуть на Западѣ, но и въ Восточной Европѣ, ибо даже и здѣсь они давнымъ-давно уже соціально неоднородны и давнымъ-давно уже не монопольные торговцы, посредники и капиталисты.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нельзя опредѣ-

ленному народу—хотя бы это былъ такой единственный по формѣ своего бытія народъ, какъ евреи,—навязать опредѣленныя соціальныя функцію и физіономію на весь громадный періодъ его существованія. Евреи въ Іудеѣ были народомъ по преимуществу крестьянскимъ, въ средніе вѣка—торговымъ, теперь они въ Америкѣ, Россіи, Галиціи и т. д. имѣютъ въ своихъ нѣдрахъ всѣ соціальные классы и группы, начиная съ финансовыхъ и промышленныхъ капиталистовъ и кончая пролетаріатомъ. Съ измѣненіемъ историческихъ условій мѣняется соціальная функція и физіономія народа. Относительно всѣхъ народовъ это безспорно, только примѣнительно къ евреямъ это почему-то считается невѣрнымъ. Особенно крѣпкую традицію такому рѣшенію вопроса создалъ Карлъ Марксъ, *) который провелъ знакъ равенства между еврействомъ и капитализмомъ. У Маркса это было чисто исторической аббераціею на почвѣ германско-еврейской дѣйствительности того времени, знавшей только евреевъ-ростовщиковъ и капиталистовъ, но не знавшей широкихъ еврейскихъ массъ Восточной Европы—Россіи, Галиціи и Румыніи, страдающихъ подъ игомъ капитализма. Отъ него это пошло, какъ научная традиція, и нынѣ ту же старую погудку на новый ладъ, но уже безъ всякихъ основаній, повторяетъ Отто Бауэръ. Разница между Марксомъ

*) см. К. Марксъ. „Къ еврейскому вопросу", русск. перев. 1906 г. Слѣдуетъ замѣтить, что работа эта написана была Марксомъ въ 1844 г., т. е. до выработки имъ системы историческаго матеріализма, но все же элементы этого ученія даютъ себя очень замѣтно чувствовать въ этой юношеской работѣ Маркса.

Бросивъ случайно замѣчаніе, что „еврейскій вопросъ получаетъ различную постановку, смотря по странѣ, въ которой евреи живутъ" (стр. 13), Марксъ все же отказывается итти въ рѣшеніи еврейскаго вопроса по пути эмпирическому, единственно только правильному, а превращаетъ еврейскій вопросъ изъ вопроса разныхъ странъ въ вопросъ вселенскій, міровой и при томъ въ не критическомъ, не-реалистическомъ, а метафизическо-произвольномъ смыслѣ. „Химерическая національность еврея, пишетъ молодой Марксъ, есть національность купца, денежнаго человѣка вообще" (стр. 39). Не видя въ еврействѣ никакихъ элементовъ здоровой національности, Марксъ—вопреки всѣмъ основамъ своего будущаго ученія—обращается къ претворенію еврейства въ какую-то особую религіозно-экономическую сущность, остающуюся иммапентной

и Бауэромъ состоитъ только въ томъ, что первый отсрочивалъ національную смерть евреевъ къ моменту паденія капиталистическаго строя, между тѣмъ какъ Бауэръ пріурочивалъ эту смерть къ болѣе раннему сроку, исторически уже минувшему, къ наступленію капиталистическаго строя. Но оба автора въ исходныхъ своихъ точкахъ неправы, ибо никогда нельзя провести знакъ равенства между опредѣленною національностью и ея временною группировкою соціальныхъ классовъ. И менѣе всего это должны дѣлать марксисты.

Жизнь націи можетъ обуславливаться и въ дѣйствительности обуславливается экономическими условіями, но признакъ націи лежитъ внѣ области чистой экономики, онъ лежитъ, какъ было показано выше, въ плоскости психологической и въ частности въ области правосознанія. Что эти двѣ области смѣшивать не слѣдуетъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго простого логическаго разсужденія. Если бы Марксъ и Бауэръ были правы, т. е. если еврейскій народъ есть въ сущности только исторически обособившійся классъ буржуазіи, то надо было бы ожидать, что именно еврей-капиталистъ, какъ истинный „еврей“, сильнѣе всѣхъ другихъ евреевъ проникнутъ еврейскимъ національнымъ сознаніемъ, между тѣмъ какъ еврей-ремесленникъ, еврей-крестьянинъ или еврей-пролетарій должны быть наиболѣе чужды еврейскаго

равной самой себѣ во всѣ періоды и эпохи вплоть до своего исчезновенія и занимающую вполнѣ опредѣленное, разъ на всегда данное положеніе въ „современномъ порабощенномъ мірѣ“ (стр. 36). Что для Маркса еврейство есть прежде всего религія, видно изъ постояннаго противоставленія у него еврейства христіанству и еврея—христіанину. Но свѣтскую основу еврейства Марксъ усматриваетъ въ „практической потребности, въ своекорыстіи“, попросту говоря, въ ростовщичествѣ и деньгахъ (стр. 36). Мудрено ли, что Марксъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „общественная эмансипація еврея есть эмансипація общества отъ еврейства“ (стр. 41).

Надо, впрочемъ отмѣтить, что какъ разъ въ области національнаго вопроса позднѣйшіе ученики Маркса, ставившіе этотъ вопросъ какъ въ практическо-политической, такъ и въ научно-теоретической плоскости (Р. Шпрингеръ, Отто Бауеръ и др.), очень далеко ушли отъ своего учителя.

національнаго сознанія. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Наиболѣе яркими носителями національнаго правосознанія являются тѣ широкіе слои еврейства, въ частности еврейскій пролетаріатъ, о которыхъ Марксъ, писавшій о евреяхъ въ серединѣ XIX вѣка, не думалъ и не могъ думать, между тѣмъ какъ представители финансоваго и промышленнаго капитала являются наиболѣе денаціонализированными слоями еврейства, болѣе всѣхъ другихъ евреевъ склонными къ ассимиляціи. Широкіе слои еврейскаго народа стали носителями еврейскаго національнаго сознанія. Только вслѣдствіе игнорированія этого психологическаго момента Бауэръ могъ прійти къ тому неожиданному выводу, что евреи, какъ нація, были возможны только въ докапиталистическомъ строѣ, только въ видѣ націи ростовщиковъ и торговцевъ старой Европы.

Игнорировать моментъ психологическаго стремленія къ національному самоопредѣленію совершенно невозможно. Что-нибудь одно: либо національное сознаніе и правосознаніе есть сентиментальная глупость, и тогда нечего говорить въ политической программѣ о національномъ самоопредѣленіи, либо оно что-то серьезное: психологическій факторъ огромной важности, приводящій къ болѣе интенсивной, болѣе творческой и плодотворной публично-правовой жизни народа. Если вѣрно послѣднее, то это относится и къ еврейскому народу, совершенно независимо отъ того, сколько и какіе соціальные классы вхоцятъ въ его составъ, а также независимо отъ того, существуетъ ли у евреевъ единый языкъ или единая территорія. Больше того, мы сказали бы, что именно у евреевъ, лишенныхъ другихъ внѣшне-матеріальныхъ подпорокъ націи, духовный факторъ національнаго правосознанія долженъ играть особенно интенсивную роль. А разъ такъ, то евреи, какъ нація, сильнѣе всего заинтересованы въ правѣ на свободное проявленіе и развитіе національнаго правосознанія, національнаго самоопредѣленія. Внѣ этихъ возможностей свободнаго проявленія національнаго своеобразія немыслима будущность еврейскаго народа, какъ члена семьи культурныхъ народовъ. И совершенно понятно, что, если достаточно серьез-

ными объектами національныхъ требованій являются обезпеченіе правъ родного языка, автономія и проч., то не менѣе серьезнымъ требованіемъ должно быть сочтено право народа на свободное проявленіе себя въ качествѣ націи, а значитъ, прежде всего преюдиціальное право на то, чтобы быть признаннымъ въ качествѣ націи.

IV.

Многогосударственность бытія и международное признаніе.

Въ основу нашего анализа еврейскаго вопроса мы положили два обстоятельства: 1) многогосударственное бытіе еврейскаго народа и 2) егонаціональное правосознаніе. Своеобразіе еврейской національной проблемы состоитъ вовсе не въ томъ, что евреи составляютъ народъ соціально-однородный, или что они носители и чуть-ли не единственные создатели капитализма, какъ полагаетъ профессоръ Вернеръ Зомбартъ, но своеобразіе это заключается въ томъ, что, благодаря указанному разсѣянному бытію, національное сознаніе играетъ особо-важную объединяюще-централизующую роль у евреевъ,—такую же важную роль, какую въ жизни другихъ народовъ играетъ языкъ или территорія. А между тѣмъ, безъ того, чтобы это многогосударственное бытіе не было признано, еврейскій народъ не можетъ далѣе жить какъ народъ.

Уже теперь мы видимъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ широкихъ народныхъ массъ и особыхъ преслѣдованій, евреи въ массѣ начинаютъ терять свое національное самосознаніе. Они считаютъ себя англичанами, итальянцами, французами, нѣмцами, и т. д. іудейскаго вѣроисповѣданія. Но совершенно естественно, что тамъ, гдѣ религіозный факторъ начинаетъ играть все меньшую роль,—а это происходитъ повсюду,—слабѣютъ и послѣднія слабыя исторически-національныя нити. Этотъ процессъ отмиранія еврейскаго національнаго самосознанія можно почти что видѣть и осязать въ Западной Европѣ. Оставшіяся немногія еврейскія учрежденія Запада—синагоги,

школы, пріюты и т. д.—это гробы повапленные, отъ нихъ вѣетъ кладбищенскою жутью.

Какъ противостать этому процессу денаціонализаціи? Только созданіемъ общенаціональной концентраціи, которая могла бы питать національное самосознаніе. Новѣйшіе примѣры Бельгіи*) и Сербіи краснорѣчиво доказали, что народы могутъ жить безъ собственной территоріи, народы могутъ жить безъ „собственнаго“ или единаго языка, но народы не могутъ жить безъ національнаго самосознанія. Смерть народа наступаетъ тогда, когда умираетъ его душа, и вотъ такой процессъ постояннаго медленнаго отмиранія мы замѣчали въ западномъ еврействѣ до войны. Нѣтъ основаній думать, что тѣ же ассимиляціонныя тенденціи не скажутся съ замѣтной силой и въ восточно-европейскомъ еврействѣ,—этой метрополіи еврейскаго народа,—послѣ того, какъ благодаря отпаденію ограниченій произойдетъ разселеніе. Уже теперь открытіе черты осѣдлости въ связи съ военными событіями повлекло за собою значительное разсѣяніе широкихъ массъ русскаго еврейства. Съ другой стороны распыленію еврейства, быть можетъ, будутъ способствовать и ожидаемыя послѣ войны территоріальныя измѣненія, Такъ, напримѣръ, то или иное рѣшеніе польскаго вопроса можетъ измѣнить судьбы еврейства, до войны неразрывно спаяннаго съ общеимперскимъ русскимъ еврействомъ одинаковостью юридическаго, соціальнаго и въ значительной степени культурнаго положенія.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что тѣ, кто считаетъ обезпеченною національную будущность еврейскаго народа на востокѣ и потому съ легкимъ сердцемъ взираютъ на ассимиляцію западнаго еврейства, глубоко неправы. Существуютъ несомнѣнно серьезныя тенденціи внутренне-политическаго (отпаденіе ограничительнаго законодательства *безъ* обезпеченія національныхъ формъ сожитія и т. п.) и внѣшне-политическаго (дальнѣйшее дробленіе т. н. „черты осѣдлости“ и т. п.) характера, которыя могутъ

*) ср. *Макс. Лазерсонъ*, „Государство безъ территоріи“ въ „Русской Мысли“ за февраль 1915 г.

способствовать денаціонализаціи и восточнаго еврейства, которое до сихъ поръ является подлинною vagina judaeorum,— физическимъ и духовнымъ источникомъ еврейской національности, питающимъ отдаленные пункты эмиграціи и отчасти и западно-европейское еврейство. Но если процессъ денаціонализаціи начнется въ сердцевинѣ еврейства, то смерть народа неизбѣжна.

Мы не беремся судить здѣсь о томъ, какія измѣненія это разселеніе и дробленіе можетъ внести въ область существовавшаго до сихъ поръ еврейскаго экономическаго быта, обуславливающаго въ значительной степени бытъ національный,—и высказываемъ только гипотезу. Быть можетъ, въ силу политическаго дробленія и разселенія, создадутся такія условія, благодаря которымъ тѣ обширныя массы восточнаго еврейства (Россіи, Польши, Галиціи, Буковины и т. д.), которыя занимаютъ промежуточное, деклассированное положеніе между крѣпкою мелкою буржуазіею и пролетаріатомъ, будутъ въ новыхъ, экономически болѣе благопріятныхъ, условіяхъ поглощены тѣми экономическими флангами, къ которымъ эти полу-пролетарскія, полумѣщанскія массы до сихъ поръ примыкали. Часть этихъ массъ хозяйственно поднимется и уйдетъ въ ряды мелкой буржуазіи, часть—въ подлинный наемный пролетаріатъ. Этотъ экономическій процессъ—если онъ только произойдетъ—долженъ способствовать еще большему разобщенію и распыленію того, все же до извѣстной степени сосредоточеннаго положенія, которое раньше эти массы занимали (въ особенности въ чертѣ осѣдлости). Разобщеніе экономическое рядомъ съ внѣшне-политическимъ приведетъ къ національно-политическому разобщенію тѣхъ массъ, которыя ранѣе жили одной жизнью, однимъ сплошнымъ экономически-національнымъ бытомъ. Вмѣсто этого единства создастся рядъ новыхъ разнородныхъ секцій, рубежи между которыми пройдутъ на этотъ разъ по живому тѣлу тѣхъ массъ, которыя до 1914 г. были объединены не только живымъ общимъ національнымъ сознаніемъ, но и рядомъ общихъ профессіонально-экономическихъ и національно-политическихъ организацій и группъ.

Само собой разумѣется, что этотъ сложный процессъ не можетъ и не долженъ быть задержанъ или измѣненъ какими-либо національно-политическими правовыми гарантіями. Наоборотъ, эти послѣднія должны приспособиться къ новому національно-экономическому бытію. Еврейскія народныя массы, разобщенныя по новымъ политическимъ перегородкамъ, несомнѣнно будутъ нуждаться въ своемъ новомъ положеніи въ такихъ добавочныхъ правовыхъ гарантіяхъ, въ какихъ они при прежнихъ условіяхъ сосредоточеннаго быта не нуждались, а именно, въ гарантіяхъ внѣшне-политическихъ. Здѣсь-то въ особо острой формѣ неизбѣжно возникнетъ вопросъ о взаимоотношеніи между національной общностью и государствомъ,—вопросъ, который, по окончаніи настоящей войны, ждетъ еще своего разрѣшенія не для одного только еврейскаго, но и для цѣлаго ряда другихъ народовъ. Какъ разъ, быть можетъ, на разрѣшеніи еврейской національной проблемы, которую Отто Бауэръ такъ легко отринулъ, скажется справедливость словъ самого же Бауэра: „Вѣдь національный вопросъ тѣсно связанъ съ проблемами в н ѣ ш н е й (курсивъ автора) политики, значеніе которой для рабочаго класса всѣхъ націй возрастаетъ съ каждымъ годомъ“ (Указ. соч., предисловіе).

Въ связи со всѣмъ вышеизложеннымъ появляется необходимость въ новой постановкѣ еврейскаго вопроса, не въ смыслѣ иной внутренне-политической оріентаціи или созданія новой программы, а въ смыслѣ правильнаго освѣщенія международнаго момента. Предлагаемая новая постановка отнюдь не хочетъ измѣнять программы или тактику существующихъ еврейскихъ политическихъ партій внутри той или другой страны, эта постановка не производитъ измѣненій такого рода, она просто восполняетъ пробѣлъ, отсутствіе опредѣленныхъ взглядовъ и опредѣленныхъ программныхъ рѣшеній въ области „внѣшней“ политики.

Если до сихъ поръ существованіе еврейскаго народа по существу признавалось только въ восточной Европѣ, то въ этомъ была глубокая методологически-политическая ошибка. Проблема такого многогосударственнаго народа,

какъ евреи, не можетъ рѣшаться исключительно и цѣликомъ въ одномъ отечествѣ, хотя бы тамъ въ данный историческій моментъ жило большинство. Проблема не можетъ переѣзжать вмѣстѣ съ отдѣльными группами или секціями націи. Еврейскій вопросъ не есть только вопросъ внутреннероссійскій или внутренне-австрійскій и т. д., въ международномъ направленіи онъ есть вопросъ обще-еврейскій, и, какъ таковой, онъ во всей его фактической-совокупности требуетъ разрѣшенія. Это, конечно, не означаетъ того, что еврейскій вопросъ не есть вопросъ внутренне государственный или даже главнымъ образомъ внутренне-государственный, но это только означаетъ, что эта важная внутренне-политическая сторона не исчерпываетъ всего еврейскаго вопроса, а особенно не исчерпываетъ его въ настоящій историческій моментъ, насыщенный международностью. Это, наконецъ, означаетъ, что,—хотятъ ли этого сами евреи, или нѣтъ,—еврейскій вопросъ имѣетъ и свою весьма важную внѣшне-политическую сторону и что замалчиваніе и невыявленіе этого послѣдняго вопроса не удаляетъ его изъ реально-политическаго міра.

Выше, путемъ анализа національнаго самосознанія, мы пришли къ тому, что признаніе евреевъ націею является только положительно-правовымъ признаніемъ того, что уже давно живетъ въ евреяхъ какъ интуитивное внутреннее право, не признанное объективнымъ правопорядкомъ. Въ дальнѣйшемъ мы стремились показать, что и реально-политическія условія жизни евреевъ ведутъ объективно къ той же необходимости персоналистическаго признанія евреевъ націею.

Послѣдній тезисъ мы хотѣли бы подкрѣпить слѣдующимъ. Мы знаемъ, что въ такомъ, напримѣръ, государствѣ національностей, какъ Австрія, долгое время придерживались территоріальнаго принципа въ разрѣшеніи національныхъ вопросовъ. Вопросы эти въ идеалѣ рѣшались такъ, что отдѣльная территорія или область, на которой живетъ опредѣленная національность, получаетъ самоуправленіе и обезпеченіе „охраненія и развитія“ своей національности. Все государство разбивается на рядъ такихъ пространственно разграниченныхъ національныхъ областей и,

являясь въ своей совокупности государствомъ національностей, обезпечиваетъ всему цѣлому внѣшнюю неприкосновенность и внутренне-согласованное процвѣтаніе. Таковъ принципъ территоріальный въ идеалѣ, и если бы въ дѣйствительности реальное разграниченіе отдѣльныхъ національностей проходило бы по территоріальному признаку, то этотъ идеалъ было бы сравнительно легко провести въ жизнь. И на самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ національность живетъ замкнутою территоріею въ опредѣленномъ государствѣ, тамъ національный вопросъ всегда принимаетъ форму областного, таковъ, напримѣръ ирландскій вопросъ въ Англіи. Однако, въ дѣйствительности въ многонародномъ государствѣ отдѣльныя народности часто живутъ вперемежку, на одной территоріи двѣ или нѣсколько народностей, притязающихъ на признаніе ихъ отдѣльною народностью съ опредѣленнымъ кругомъ національныхъ требованій. Въ такихъ случаяхъ попытки рѣшать вопросъ по территоріальному принципу наперед обречены на гибель, ибо тогда въ данной области одна изъ народностей по необходимости будетъ признана главною, господствующею. Тутъ-то и выступаетъ на сцену такъ называемый персональный принципъ. По этому принципу отдѣльныя народности признаются какъ бы личными персональными союзами; членомъ націи является тутъ не тотъ, кто живетъ на той или иной территоріи, а кто признаетъ себя лично принадлежащимъ къ той или другой націи.

Если такое персоналистическое рѣшеніе вопроса найдено было для народностей внутри государства національностей, то тѣмъ болѣе такое рѣшеніе должно быть примѣнено по отношенію къ евреямъ. И вотъ почему. Если, напримѣръ, въ Австріи чехи въ однихъ мѣстахъ составляютъ по отношенію къ нѣмцамъ меньшинство, то въ другихъ— и при томъ довольно крупныхъ областяхъ—они составляютъ несомнѣнное большинство. Поэтому господство даже территоріальнаго принципа для національности, имѣющей хоть въ одной изъ областей государства большинство, все же даетъ нѣкоторыя національныя права, и даже самое юридическое непризнаніе такой націи не представляетъ для нея

прямой опасности денаціонализаціи, одно же компактное существованіе въ данной области до извѣстной степени гарантируетъ націю. Въ совершенно иномъ положеніи находится еврейскій народъ.

Въ плоскости чисто территоріальныхъ поисковъ евреи въ томъ или другомъ государствѣ остаются неуловимыми, они распредѣлены по всему лицу государства въ неравномѣрныхъ количествахъ Даже въ Россіи, въ бывшей чертѣ осѣдлости, евреи не составляли большинства на данной территоріи, имѣлись только городскія поселенія, въ которыхъ евреи составляли большинство, но сплошныхъ областей или хотя бы даже такъ называемыхъ національныхъ острововъ евреи не составляли. Вотъ почему евреи особо нуждаются въ проведеніи персональнаго принципа. Не признанный персоналистически, какъ особая національность, еврейскій народъ вообще, какъ таковой, юридически не существуетъ. Если дѣло такъ обстоитъ съ евреями внутри Россіи, т. е. тамъ, гдѣ живетъ наибольшая компактная масса ихъ, то подавно такъ дѣло обстоитъ въ другихъ государствахъ; въ этихъ другихъ государствахъ примѣненіе территоріальнаго принципа дало бы для евреевъ еще болѣе печальные результаты. Вотъ почему такой многогосударственный народъ, какъ евреи, насчитывающій за предѣлами Россіи милліоны членовъ, самымъ кровнымъ образомъ заинтересованъ въ международномъ персоналистическомъ признаніи его въ качествѣ такового. Въ этомъ признаніи заключается та платформа, на которую должны стать всѣ еврейскія политическія партіи независимо отъ различія ихъ внутренне-политическихъ программъ, которыя могутъ и должны остаться различными. Если поднятіе международно-правовой стороны еврейскаго вопроса когда-нибудь осуществится—а необходимость этого въ общей формѣ признаютъ такіе различные по своему политическому направленію органы, какъ „Еврейская Недѣля“ *) и „Еврейскія Вѣсти“ *),—

*) „Еврейская Недѣля“—органъ умѣренно-либеральной еврейской народной группы и примыкающихъ къ ней элементовъ. „Еврейскія Вѣсти“—неоффиціальный органъ соціалъ-демократическаго „Бунда“, появлявшійся въ Петроградѣ до февральской революціи 1917 года.

то именно предлагаемое нами признаніе должно послужить исходной точкой для тѣхъ отдѣльныхъ требованій національно-правового свойства, которыя еврейскій народъ предъявитъ въ различныхъ государствахъ, сообразуясь съ данными политическими и иными условіями.

V.

Формула международнаго признанія.

Кажется, нынѣ вполнѣ уже созрѣло ясное сознаніе, что необходимо возбужденіе внѣшне-политической стороны еврейскаго вопроса. А это значитъ, что возбужденіе этого вопроса принадлежитъ народу и что по формѣ оно должно явиться единымъ. Волею историческихъ судебъ еврейскій народъ не обладаетъ тою дипломатіею, тѣмъ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ, которыя издавна являлись прямымъ отрицаніемъ демократіи. Даже въ Англіи вершеніе этихъ дѣлъ всегда было обставлено достаточною долею келейности и безотвѣтственности (ср по этому поводу статью Dover Wilson'a въ сборникѣ „The War and Democracy"). У евреевъ нѣтъ привилегированныхъ дипломатовъ-бюрократовъ, но до сихъ поръ эту роль брали на себя титулованные нотабли-филантропы съ одной стороны и нѣкоторые сіонисты съ другой—при полномъ безмолвіи народа.

Нынѣ это должно измѣниться, и еврейскія отвѣтственныя политическія партіи должны взять это измѣненіе на себя.

Современная война достаточно ярко обнаружила сколь гибельнымъ оказалось сравнительно-безразличное отношеніе отвѣтственныхъ демократическихъ партій къ вопросамъ иностранной политики. *) По какой-то чудовищной аберраціи демократическія партіи, вплоть до соціалистическихъ, дѣятельно заняты были внутренней политикой, борьбою за права политическія и соціальныя внутри государства и мало

*) Ср. мою брошюру М. Лазерсонъ, „Войны и международная политика" изд. „Муравей", 1917 г., стр. 31.

затрагивали иностранную политику, а если и затрагивали, то только постольку, поскольку эта иностранная политика вторгалась во внутренне-политическіе вопросы. Отъ случая къ случаю критиковался милитаризмъ, авантюризмъ, крайности колоніальной политики и т. д., но все это было только отъ случая къ случаю, недостаточно систематично и послѣдовательно. Такъ дѣло до сихъ поръ обстоитъ даже въ парламентарныхъ и демократическихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи, Франціи, Италіи и другихъ, а, слѣдовательно, въ государствахъ дуалистическихъ парламентскій надзоръ за внѣшней политикой былъ еще слабѣе. Политика и тактика демократическихъ партій шла въ области внѣшней политики по линіи воздержанія и критики, порождая въ широкихъ кругахъ вредное представленіе о томъ, что международная политика занимаетъ у демократическихъ партій подчиненное, третьестепенное мѣсто. Забывалось какъ-будто, что вся невѣроятная энергія и упорная работа въ области политическаго и соціальнаго подъема массъ, проявленныя демократіей въ долгіе годы мирнаго времени, каждый разъ, какъ только разражается внѣшне-политическая катастрофа, неминуемо сводилась почти къ нулю Забывалось, что насущнѣйшею задачею здоровой внутренней политики является раціональная внѣшняя политика. Нынѣшняя великая европейская война привела къ необходимости демократизаціи внѣшней политики, широкаго активнаго участія демократіи въ вершеніи иностранныхъ дѣлъ и внесенія публично-правового начала въ междугосударственныя отношенія. Этому война научила великіе державные народы. Какой же урокъ должны вынести еврейскія отвѣтственныя демократическія партіи изъ этой войны?

Отвѣтъ ясенъ: если великіе государственные народы, внутреннее существованіе коихъ вполнѣ обезпечено, пришли къ необходимости отказа отъ непринятія внѣшней политики и къ созданію новой международной политики, то тѣмъ болѣе это должно относиться къ маленькому еврейскому народу, существованіе котораго есть явленіе по существу многогосударственное, хотя и не признанное международнымъ правомъ.

Еврейскій народъ нынѣ исторически пришелъ къ тому рубежу, гдѣ то или иное правовое воплощеніе и признаніе его фактическаго положенія становится вопросомъ его дальнѣйшаго упорядоченнаго бытія. До тѣхъ поръ, пока евреи разсматривали себя исключительно какъ вѣроисповѣданіе, какъ члены религіозной общины, сохранившіе, правда, нѣкіе національные признаки, но по существу вполнѣ укладывавшіе свое національное сознаніе въ рамки національныхъ требованій того господствующаго народа, среди котораго они въ данномъ мѣстѣ и въ данное время жили,—до тѣхъ поръ возбужденіе международнаго момента въ еврейской національной проблемѣ могло казаться неумѣстнымъ и преждевременнымъ. Для того времени вполнѣ достаточной была та международная формулировка еврейскаго вопроса, формулировка равноправія—которая нашла единодушное признаніе великихъ державъ на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. Именно тогда великія державы разсматривали балканскихъ евреевъ, какъ братьевъ по опредѣленной вѣрѣ, заставили Сербію, Румынію и другія балканскія государства признать принципъ свободы вѣроисповѣданія и равноправія евреевъ *).

Международная сторона еврейскаго національнаго вопроса уже давно болѣе или менѣе ясно сознавалась, хотя чаще всего нотабли, выступавшіе отъ имени еврейскаго народа, трактовали этотъ вопросъ какъ чисто вѣроисповѣдный.

---

*) Ср. текстъ статьи 44-ой берлинскаго трактата 1878 года: „Въ Румыніи различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми уроженцами Румынскаго государства, такъ и за иностранцами, и никакія стесненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ съ ихъ духовными благами. Подданные всѣхъ державъ, торгующіе и другіе, будутъ пользоваться въ Румыніи, безъ различія вѣроисповѣданій, полнымъ равенствомъ“.

Это недавно сказалось въ письмѣ American Jewish Committee къ папѣ. Въ этихъ выступленіяхъ, протестахъ, просьбахъ и прочихъ актахъ, предпринимаемыхъ нотаблями западнаго еврейства, чуждыми національно-еврейскаго сознанія, всегда остается неяснымъ то, что представляетъ собою еврейство: разсѣянную ли вѣроисповѣдную группу или разсѣянный народъ; преобладала, конечно, первая характеристика.

Между тѣмъ, за минувшій XIX и начало XX вѣка еврейскій вопросъ существенно измѣнилъ свой характеръ. Широкія массы восточнаго еврейства зажили сознательной гражданской жизнью. Выросло національное самосознаніе евреевъ, долженствующее въ качествѣ спайки замѣнить религіозное начало. А вмѣстѣ съ этимъ громаднымъ измѣненіемъ во внутреннемъ процессѣ національнаго сознанія должно послѣдовать и измѣненіе юридически-политическаго рѣшенія вопроса. Должна произойти, если можно такъ выразиться, *секуляризація* въ рѣшеніи еврейскаго вопроса въ предѣлахъ его разсѣянія. Старыя религіозныя формы совершенно больше не отвѣчаютъ характеру того вопроса, который здѣсь долженъ быть рѣшенъ.

Тѣмъ не менѣе, многіе изъ еврейскихъ политическихъ дѣятелей, чуждыхъ религіозной оріентировки, предпочтутъ, быть можетъ, именно въ разрѣшеніи международнаго момента въ еврейскомъ вопросѣ придерживаться старыхъ проторенныхъ дорожекъ защиты „вѣры“ и „братьевъ по вѣрѣ“. Но несмотря на то, что эти пути какъ бы освящены долгою традиціею, они отнюдь не отличаются большею степенью международно-правовой легальности, нежели новый свѣтскій секуляризованный путь, единственно отвѣчающій происшедшему внутри еврейства процессу демократизаціи и національзаціи. Настаивать здѣсь на старыхъ путяхъ значило бы и отказаться отъ внѣшне-правового осуществленія національнаго сознанія, и не пріобрѣсти болѣе твердой юридической почвы подъ ногами. Всегда при защитѣ интересовъ евреевъ въ томъ или иномъ государствѣ приходилось призывать къ добрымъ истинно-христіанскимъ чувствамъ, къ цивилизаціи, къ культурности Европы и т. п. невѣсомымъ и ненадежнымъ вещамъ. Защита еврейства являлась по существу добрымъ

дѣломъ, филантропіей, здѣсь не было и рѣчи о юридическитвердомъ искѣ, требованіи, признаніи и т. д. Болѣе того, именно съ юридической точки зрѣнія эта податливая и робкая международная защита еврейства лордомъ Биконсфильдомъ, Монтефіоре, Кремье и многими другими, всегда до извѣстной степени противорѣчила международноправовому принципу невмѣшательства во внутреннія дѣла того или иного государства. Съ этой точки зрѣнія, защита евреевъ всегда была дипломатическою нелегальщиною. И если принципъ равноправія такъ или иначе былъ навязанъ Болгаріи, Сербіи и Румыніи и юридически закрѣпленъ на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., то только потому, что эти маленькія, только что народившіяся балканскія государства не имѣли достаточной силы отстоять доктрину невмѣшательства, ту non-intervention, которая неукоснительно признается въ примѣненіи къ великимъ державамъ.

То, къ чему насъ приводятъ историческія судьбы еврейства,—это, намъ кажется, необходимость пріобрѣтенія опредѣленной юридической почвы подъ собою. Еврейскій народъ, имѣющій свои многочисленныя секціи въ странахъ самой различной политической культуры и юридической структуры, не можетъ дольше предоставлять защиту своихъ общенаціональныхъ интересовъ добровольнымъ дипломатамъ-филантропамъ, онъ не можетъ больше терпѣть того, чтобы возбужденіе вопросовъ, касающихся его существованія и нормальнаго развитія, считалось международной нелегальщиной. Еврейскій народъ, осознавшій себя въ качествѣ народа, не можетъ больше свои правопритязанія облекать въ форму призывовъ къ „добрымъ чувствамъ“ дипломатовъ, онъ стремится къ юридически-признанному исковому осуществленію своихъ правъ. Для того, чтобы выступать съ юридическими требованіями, надо быть признаннымъ субъектомъ правъ. Евреи такимъ субъектомъ правъ въ международныхъ отношеніяхъ не являются. А между тѣмъ, только при наличности такого признанія, съ еврейскимъ народомъ будутъ разговаривать, какъ съ народомъ, а не какъ съ нищимъ, у котораго нѣтъ правъ на удовлетвореніе дѣлаемыхъ имъ заявленій. Понятно, поэтому, что раньше, чѣмъ вообще

конкретизировать тѣ или иныя права, о размѣрахъ и направленіяхъ коихъ можно спорить, еврейству, какъ народу, надо стать прежде всего правоспособнымъ въ области международной. Поэтому основное политическое требованіе еврейства мы бы облекли въ слѣдующую формулу: *„Еврейскій народъ имѣетъ право на международное его признаніе въ качествѣ такового“*.

Таковъ тотъ окончательный выводъ, къ которому исторически должна будетъ прійти національная проблема еврейства въ области внѣшней политики. Но къ тому же исходу приводитъ, какъ отчасти выше показано было, и развитіе національнаго сознанія. Народъ, который по своему интуитивному правосознанію является многогосударственнымъ, стремится, какъ это всегда бываетъ, интуитивное право превратить въ положительное дѣйствующее право. Но и другіе народы уже давно признаютъ евреевъ особымъ народомъ, особой расой. Это въ значительной мѣрѣ относится и къ друзьямъ и къ врагамъ еврейства. Считая евреевъ своими согражданами и соратниками, другіе народы не отрицаютъ за евреями характера особой національности, которой свойственна и особая душа и особое призваніе, особыя способности, особая экономическая роль и т. д. Не являясь признаннымъ субъектомъ международнаго права, еврейскій народъ несетъ тяжелую отвѣтственность за фактъ своего междугосударственнаго бытія; такъ, напримѣръ, въ самое послѣднее время русскихъ евреевъ упрекали за то, что они не вліяли на американскихъ евреевъ въ смыслѣ болѣе благопріятнаго отношенія послѣднихъ къ русскому внѣшнему займу. Мы не будемъ здѣсь приводить примѣры того, что враги еврейскаго народа нагромождаютъ вокругъ мнимаго существованія „всемірнаго еврейскаго кагала“. Скажемъ только то, что эти враги такъ много нагромождаютъ нелѣпостей, что, какъ невольный рефлексъ—многія еврейскія отвѣтственныя политическія группы вообще боятся всякаго международнаго подхода, всякаго упоминанія международнаго момента въ еврейскомъ вопросѣ, дабы не подать повода, не нуждающимся ни въ какихъ поводахъ, врагамъ еврейства. Но

и нейтрально и дружественно настроенные къ еврейскому народу возлагаютъ на него особыя обязанности въ качествѣ многогосударственнаго народа или, по меньшей мѣрѣ, признаютъ его таковымъ. Такъ, напримѣръ, Карменъ Сильва писала въ своихъ мемуарахъ: „Еврейскій народъ долженъ служить элементомъ для броженія, чтобы, попадая въ среду другихъ народовъ, способствовать своимъ болѣе высокимъ развитіемъ поднятію ихъ на высшія ступени культуры“ *). Другіе возлагаютъ на евреевъ другія, болѣе матеріальныя, обязанности, вродѣ развитія предпріимчивости, развитія торговли и пр., и съ этой точки зрѣнія высказываются за нежелательность исчезновенія еврейскаго народа какъ междугосударственнаго и т. д. Но фактъ таковъ, что и извѣстные слои окружающихъ насъ народовъ признаютъ евреевъ націею междугосударственною, а не „братьями по вѣрѣ“. Такъ что и здѣсь международное признаніе не оказалось бы чѣмъ-то необъяснимымъ или произвольнымъ, и здѣсь интуитивное признаніе превратилось бы только въ положительно-правовое.

Данная нами формула внѣшней политики еврейскаго народа является, какъ мы только что видѣли, не отвлеченною юридическою формулою, а декларативнымъ основнымъ правомъ, исходной точкой, изъ которой необходимо вытекаетъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ правъ и требованій.

Признать евреевъ народомъ не значитъ только воплотить интуитивное правоубѣжденіе въ положительно-правовую норму, дать юридическое облаченіе существующему, національно-сознательному, но непризнанному народу. Юридически установить, что евреи—международно-признанный народъ не значитъ только отвѣтить на вопросъ, *кто* такіе евреи, но и въ значительной степени предвосхитить, *что* они потребуютъ въ качествѣ народа. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ правовой области признаніе играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей. Признаніе раньше оспаривавшагося во-первыхъ устраняетъ „споръ о правѣ“ и во-вторыхъ является особымъ „источникомъ права“, начальной

*) См. русскій переводъ „Подъ роднымъ кровомъ“, стр. 47.

точкой цѣлаго ряда правъ и обязанностей, при осуществленіи которыхъ всегда ссылаются, какъ на первичную основу, на признаніе. Это достаточно ярко замѣчается на каждомъ шагу внутри-государственной жизни, чтобы на этомъ подробно останавливаться, но въ международной области признаніе имѣетъ, пожалуй, еще бо́льшее значеніе именно потому, что здѣсь существуетъ больше споровъ и несогласій относительно объема правъ и обязанностей и признаніе играетъ тутъ особо замѣтную роль въ качествѣ замирителя и творца новаго права. Извѣстно, напр., что въ международной области при возникновеніи новаго государства или при значительныхъ политическихъ измѣненіяхъ и переворотахъ въ жизни того или другого государства огромную роль играетъ признаніе—т. н. reconnaissance—этого государства (ср. историческій примѣръ признанія самостоятельности Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Франціею, а за нею и другими государствами, признаніе новыхъ формъ правленія послѣ революцій и т. д.). Ибо признать данное государство значитъ, прежде всего, уладить существовавшіе до момента признанія споры о существованіи или желательности и необходимости существованія нарождающагося государства и затѣмъ—согласиться на всѣ правовыя послѣдствія, вытекающія изъ признанія государства,—а именно, на активное и пассивное право посольства, право вступленія въ договоры и обязательства, обязанность подчиняться опредѣленнымъ постановленіямъ и т. д.

То же относится и къ интересующему насъ вопросу. Признаніе евреевъ народомъ прежде всего будетъ обозначать устраненіе долгихъ, довольно ожесточенныхъ и безплодныхъ споровъ о томъ, являются ли евреи націей. Это само по себѣ означало бы крупную побѣду въ дѣлѣ рѣшенія еврейской національной проблемы.

Для восточныхъ евреевъ національный характеръ еврейства есть нѣчто до того ясное, до того безспорное, до того вошедшее и растворившееся въ національномъ сознаніи, что все юридическое и политическое значеніе внѣшняго, откуда-то со стороны приходящаго признанія

не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ взвѣшено и оцѣнено ими. Самый фактъ національнаго бытія и роста, вопреки чинимымъ препятствіямъ и преслѣдованіямъ, является въ глазахъ восточнаго еврейства столь краснорѣчивымъ, что рядомъ съ этимъ декларативное признаніе еврейства кажется ему не признаніемъ его основного права, а безплотной абстракціей и лишней санкціей. А между тѣмъ это декларативное признаніе получаетъ огромное значеніе, если его разсмотрѣть въ историко-политической перспективѣ.

Извѣстно, что въ Западной Европѣ эмансипація евреевъ, т. е. освобожденіе отъ ограничительнаго законодательства средневѣковья и дарованіе имъ общихъ гражданскихъ правъ, шла за счетъ признанія евреевъ національю. И это вполнѣ понятно, если вспомнить, въ какой исторической обстановкѣ раскрѣпощались евреи. Освобожденіе еврейства непосредственно слѣдовало за ликвидаціей въ. Европѣ феодальнаго строя и всѣхъ его соціально-политическихъ учрежденій и нормъ. Новому государству, выступавшему на смѣну феодальному, предстояло снести всѣ тѣ загородки, которыми прежде отдѣлялся одинъ соціальный слой отъ другого, всѣ тѣ привилегіи и льготы, которыми отдѣльныя группы пользовались за счетъ другихъ угнетенныхъ группъ и всего общества; предстояло уничтожить крѣпостное начало, прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ, ремесленника — къ цеху, купца — къ гильдіи и водворить господство личной иниціативы и свободы передвиженія; предстояло вмѣсто феодально-разгороженнаго общества, съ его прочнымъ мѣстнымъ началомъ и партикулярнымъ духомъ, съ его мѣшающей дробностью отдѣльныхъ учрежденій, крошившихъ государственное цѣлое, создать единое государство, въ которомъ всѣ въ одинаковой степени пользовались бы правами и двигались свободно по всему государству, лишенному внутреннихъ перегородокъ. Вмѣсто конкретно-красочнаго, дробно-разнообразнаго т. ск. *именованнаго* начала феодальнаго общества, отмѣчавшаго каждаго подданнаго всѣми квалификаціями мѣстнаго, сословнаго, соціальнаго, профессіональнаго, мѣстами и національнаго порядковъ стало выдвигаться безличное *отвлеченное* начало,

видѣвшее въ каждомъ подданномъ только гражданина государства.

Этотъ процессъ получилъ особенно яркое выраженіе во Франціи. Тотчасъ же по уничтоженіи феодализма, какъ въ политической дѣйствительности, такъ и въ литературѣ стали яростно выступать противъ всего того, что угрожало или казалось угрожающимъ новому государственному строю, и здѣсь къ числу зловреднѣйшихъ факторовъ относили все то, что такъ или иначе могло бы выявить различія въ характерѣ отдѣльныхъ мѣстностей государства или отдѣльныхъ группъ населенія. Совершенно естественно поэтому, что, напр., мѣстное начало, въ частности идея самоуправленія, должно было сильно пострадать во славу единаго централизованнаго государства. Перекройка по-революціонной Франціи по механическому принципу на департаменты вмѣсто прежнихъ исторически сложившихся провинцій съ ихъ подчасъ богатымъ мѣстнымъ своеобразіемъ, мѣстными діалектами, нравами, обычаями и правами была только однимъ изъ сопутствующихъ явленій объединенія и уравненія государства. Къ тому же роду явленій относится враждебное отношеніе революціонныхъ писателей и дѣятелей Франціи ко всякимъ общественнымъ организаціямъ и вообще къ не-государственнымъ „частнымъ“ союзамъ („associations partielles“), ибо въ этихъ союзахъ французамъ мерещились воскресшіе призраки только что погребенныхъ феодальныхъ общественныхъ организацій (ср., напр., Ж. Ж. Руссо „Объ общественномъ договорѣ“ кн. II гл. III). Новое государство должно было стать единымъ, каждый сынъ Франціи есть гражданинъ, и всѣ они вмѣстѣ образуютъ одну націю, которая покрываетъ все государство, государство и нація становятся понятіями одинаковаго объема и значенія: *всѣ французы—граждане* и vice versa, *всѣ граждане—французы*. Понятно, что новое государство, отвергнувъ мѣстное начало и свободу союзовъ, должно было самымъ рѣшительнымъ образомъ отринуть какое-бы то ни было признаніе національныхъ различій и правъ у гражданъ, представлявшееся для того времени чѣмъ-то вродѣ признанія существованія государства въ государствѣ.

Понятно, что именно во Франціи при паденіи стараго порядка особенно типичное для новаго „буржуазнаго“ государства рѣшеніе долженъ былъ получить и еврейскій вопросъ Здѣсь, въ этой странѣ, только что освободившейся отъ феодальныхъ путъ и къ тому же искони національно-однородной странѣ, еврейскій вопросъ только и могъ быть поставленъ какъ вопросъ гражданскаго равноправія. Какъ это, быть можетъ, ни покажется страннымъ восточнымъ евреямъ нашего времени, въ національномъ собраніи 1789 г. противники освобожденія евреевъ, какъ, напр., аббатъ Мори, стояли на той точкѣ зрѣнія, что евреи являются націей, отличною отъ французской, а не религіознымъ общеніемъ, между тѣмъ какъ защитники эмансипаціи евреевъ (Clermont Tonnevie и др.) стояли на той точкѣ зрѣнія, что евреи не особая нація, а только члены религіознаго общенія, способные слиться и отождествиться съ державною народностью. И только послѣдняя позиція, на которую, кстати сказать, стали и представители французскаго еврейства того времени, и могла казаться убѣдительной дѣятелямъ французской революціи. Франція рѣшилась дать равноправіе евреямъ, какъ французскимъ гражданамъ іудейскаго вѣроисповѣданія, но отнюдь не какъ членамъ еврейскаго народа, только подъ такой отвлеченно-гражданскою мотивировкою и стало возможно проведеніе еврейской эмансипаціи. Та же „ассимиляціонная“ точка зрѣнія получила еще разъ особенно яркое выраженіе на наполеоновскомъ синедріонѣ 1807 г., въ коемъ были собраны представители французскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, итальянскихъ и др. евреевъ. Этотъ синедріонъ торжественно призналъ, что евреи въ настоящее время не представляютъ націи и что въ присоединеніи къ великой французской націи они усматриваютъ свое политическое избавленіе („Aujourd'hui que les juifs ne forment plus une nation et qu'ils ont l'avantage d'être incorporés dans la grande nation ce qu'ils regardent comme une redemption politique“).

Та же мотивировка стала типичной для всей Западной Европы, ибо во всѣхъ ея странахъ процессъ освобожденія

евреевъ, какъ часть общаго процесса ликвидаціи стараго порядка, шелъ рядомъ съ отрицаніемъ за евреями характера національности. Впродолженіе всего 19-го вѣка представленіе о граждански-равноправномъ гражданинѣ іудейскаго вѣроисповѣданія сочетается съ образомъ національно-опустошеннаго еврея и наоборотъ: образъ истиннаго еврея связанъ съ трагедіей узаконеннаго безправія. Нынѣ предстоитъ облечь въ легальную форму національный характеръ еврея и тѣмъ устранить ту альтернативу, съ которой до сихъ поръ обычно связывалась возможность сохраненія еврейскаго народа: либо угнетеніе и исключительное законодательство, либо—самостоятельное государство. Выдвигаемое здѣсь персональное признаніе евреевъ націею устраняетъ вѣковѣчный споръ о квалификаціи фактически живущаго и жизнеспособнаго народа и даетъ еврейскому вопросу правильную постановку, прямо противоположную той, какую онъ получилъ при паденіи феодальнаго строя, и къ которой до сихъ поръ, по старой привычкѣ, любятъ прибѣгать въ Западной Европѣ.

Но признаніе евреевъ, какъ и всякое признаніе, имѣетъ и другую важную политическую и правотворческую сторону. Изъ признанія евреевъ народомъ вытекаетъ ихъ право на существованіе, на свободное развитіе всего комплекса культурно-національнаго достоянія (въ томъ числѣ и языка), на т. н. негативный статусъ, далѣе изъ того же признанія вытекаетъ возможность организовать извѣстнымъ образомъ національную жизнь, создать органы этой жизни и выступать передъ другими народами въ качествѣ управомоченнаго коллектива. Однимъ словомъ, вся совокупность правъ національнаго самоопредѣленія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова вытекаетъ изъ признанія даннаго общенія народомъ, подобно тому, какъ изъ признанія какого-либо общежитія государствомъ вытекаютъ всѣ другія права, обыкновенно присущія государству. Пріятіе нашей формулы въ качествѣ общаго знаменателя національныхъ требованій ни въ коемъ случаѣ не означаетъ ни умаленія этихъ требованій, ни отказа отъ болѣе конкретныхъ и далеко идущихъ національныхъ правъ, въ области

которыхъ требованія различныхъ группъ остаются различными, подобно тому, какъ нахожденіе общаго знаменателя нѣсколькихъ дробей не означаетъ измѣненія величины отдѣльной дроби. Такимъ образомъ, предлагаемую нами формулу нельзя счесть слишкомъ узкой, она, какъ общій политическій лозунгъ, соотвѣтствуетъ современному положенію еврейской національной проблемы. На этой формулѣ, какъ на основѣ, могутъ сойтись всѣ отвѣтственныя народныя партіи еврейства, за исключеніемъ: 1) ассимиляторскихъ группъ, вообще отрицающихъ за евреями характеръ національности, и, быть можетъ, 2) тѣхъ сіонистическихъ теченій, которыя сочтутъ данную нами формулу пріемлющею многогосударственное бытіе діаспоры, голуса и, постольку, вредною для важнѣйшей ихъ цѣли,—созданія собственнаго государственнаго центра.

Если данная нами формула не слишкомъ узка, то она, съ другой стороны, и не чрезмѣрно велика, т. е. она не требуетъ большаго, чѣмъ то, что дѣйствительно является необходимымъ. Это намъ важно установить въ виду того, что возможно возраженіе, будто наша формула, выдвигая общееврейскій лозунгъ, требуетъ для западно-европейскихъ евреевъ того, что имъ вовсе не нужно,—признанія націей. Западные евреи, скажутъ, настолько ассимилировались, что у нихъ нѣтъ больше національнаго сознанія, они цѣликомъ прониклись національнымъ сознаніемъ окружающихъ ихъ державныхъ народовъ: наша формула какъ будто навязываетъ такимъ денаціонализованнымъ слоямъ опредѣленное національное лицо, черты котораго старательно стираются въ процессѣ приспособленія. Мало того, этимъ слоямъ, согласно вышеописанному процессу освобожденія западныхъ евреевъ въ XIX вѣкѣ, борьба съ ассимиляціей и открытое заявленіе о своей національности, отличной отъ національности державной, можетъ показаться чѣмъ-то опаснымъ. Они, эти стерилизованные граждане іудейскаго вѣроисповѣданія, до сихъ поръ bona fide считаютъ, что ихъ равноправное положеніе куплено цѣною отреченія отъ своей національности и что, слѣдовательно, признаніе себя членами особой націи явится достаточно серьезною при-

чиною для возвращенія прежнихъ временъ исключительнаго законодательства. Для такихъ евреевъ наша формула, какъ громкое напоминаніе о томъ, о чемъ они вотъ уже десятки лѣтъ всѣми помышленіями, всею душою и тѣломъ стараются позабыть, является не только чѣмъ-то лишнимъ, но и глубоконежелательнымъ. Но эти ассимиляторскія возраженія противъ открытаго признанія евреевъ націею, исходящія отъ западно европейскихъ группъ, совершенно оторванныхъ въ своей соціальной замкнутости отъ всякаго рода демократическихъ движеній, въ томъ числѣ и національно-еврейскаго, и чуждыхъ пониманія современнаго демократическаго государства, могущаго въ той или иной формѣ обезпечить права національности, — совершенно не состоятельны. (Этому непониманію національныхъ движеній и національныхъ вопросовъ внутри государства въ значительной степени способствуетъ и то обстоятельство, что западнымъ евреямъ приходится жить въ государствахъ по существу *національно-однородныхъ* каковыми являются Англія, Франція, Голландія, Италія и т. д.). Мы по этому поводу вспоминаемъ то возраженіе, которое обычно приводится противъ введенія въ странѣ всеобщаго избирательнаго права или другой демократической реформы. Возраженіе это сводится къ тому, что существуютъ-де не только отдѣльные граждане, но и цѣлые слои населенія, которые вовсе не интересуются парламентомъ и политикою, имъ-де не нужно ни избирательнаго права, ни участія въ государственной жизни, они, при введеніи той или иной реформы, несомнѣнно окажутся абсентеистами. На практикѣ почти всѣхъ государствъ дѣйствительно существуетъ опредѣленный болѣе или менѣе постоянный процентъ населенія не участвующій въ мѣстной муниципальной и государственной жизни. Но если, несмотря на указанные факты, нельзя аргументировать противъ всеобщаго избирательнаго права или другихъ реформъ, направленныхъ къ вовлеченію широкихъ массъ въ жизнь и интересы государства, доводами отъ косности, отъ отсутствія государственнаго сознанія въ тѣхъ или иныхъ незначительныхъ группахъ населенія, то, конечно, и противъ нашей формулы, покоющейся на вовлеченіи возможно боль-

шихъ массъ въ національную жизнь, нельзя аргументировать доводами, исходящими отъ денаціонализованныхъ буржуазныхъ слоевъ немногочисленнаго западнаго еврейства.

Если, такимъ образомъ, даже допустить, что въ Западной Европѣ есть слои, явно безнадежные въ смыслѣ національнаго воскресенія—а это несомнѣнно допустить нужно,—то этотъ фактъ нисколько не говоритъ противъ нашей формулы международнаго признанія евреевъ.

Въ видѣ общаго правила предоставленіе опредѣленныхъ правъ не предполагаетъ, конечно, необходимости фактическаго осуществленія ихъ всѣми тѣми, кому это право предоставлено. Если поэтому наша формула предоставляетъ опредѣленныя права всему еврейству, всѣмъ его секціямъ, то это, конечно, не означаетъ того, что всѣми этими секціями право признанія будетъ дѣйствительно использовано. Надо думать, что нѣкоторые слои западнаго еврейства, живущіе въ совершенно ничтожномъ меньшинствѣ и разрозненными еле замѣтными группами среди окружающаго населенія, будутъ естественно ассимилироваться окружающей средой. Противъ такой ассимиляціи, которой подвергаются и колоніи величайшихъ народовъ въ чужихъ странахъ, было бы безсмысленно бороться юридическими или политическими гарантіями, это процессъ естественный и при томъ мало затрагивающій самыя основы національнаго бытія. Другія болѣе общирныя секціи предпочтутъ свой нынѣшній гражданско-равноправный статусъ національному, они предпочтутъ остаться англичанами, французами, итальянцами и т. д. іудейскаго вѣроисповѣданія, чѣмъ быть евреями, англійскими, французскими и т. д. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя группы западнаго еврейства, предпочитающія въ національно-однородныхъ государствахъ Запада отказаться отъ своего національнаго „лица“, будутъ поддерживать формулу національнаго признанія для восточнаго еврейства, какъ формулу *его* внѣшней политики. Исключая себя, по той или другой причинѣ, изъ цѣлокупнаго народа и считая, не безъ основанія, что для нихъ самихъ никакого національнаго вопроса не существуетъ, западные евреи (примѣрно евреи Германіи, Италіи, Франціи и т. д.) могутъ

признавать и признаютъ существованіе этого вопроса для восточнаго еврейства, ибо это послѣднее почитается ими полноцѣнною національностью, со всѣми аттрибутами таковой, до языка включительно.

Но если даже, въ концѣ концовъ, откинуть незначительные слои западнаго еврейства, въ качествѣ національнаго валежника, то восточное еврейство Россіи, Польши, Галиціи, Буковины, сѣверо-восточной Венгріи и Румыніи, по новѣйшимъ исчисленіямъ достигающее—около 9.000.000 человѣкъ, представляетъ собою достаточно внушительное по численности и достаточно многогосударственный конгломератъ для того, чтобы говорить здѣсь о международной проблемѣ.

Наконецъ, за нашу формулу говоритъ и то обстоятельство, что еврейскій народъ подвергается частымъ и крупнымъ переселеніямъ, и пункты, нынѣ сравнительно мало населенные евреями, впослѣдствіи могутъ оказаться сильными пунктами эмиграціи еврейства. Слѣдуетъ назвать здѣсь для примѣра только г. Нью-Іоркъ, въ которомъ къ 1907 г. число евреевъ (свыше милліона) превзошло число евреевъ Германіи, Франціи, Швейцаріи, Англіи и Италіи, вмѣстѣ взятыхъ. Такіе процессы переселенія, надо думать, будутъ въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ происходить и впредь, и наша формула, соотвѣтствующая многогосударственному и „мигрирующему“ бытію еврейства, дастъ возможность поставить вопросъ о національныхъ правахъ евреевъ въ тѣхъ или иныхъ новыхъ мѣстахъ. Въ одномъ мѣстѣ своей очень занимательной и во многомъ пророческой книги извѣстный англійскій писатель-соціалистъ H. G. Wells („An Englishman looks at the World“, стр. 20) говоритъ: „Никто еще не нашелъ какого-либо способа для политическаго выявленія и совокупнаго управленія странствующаго населенія и никто не пытается сдѣлать это. Это новая проблема“ *). Эту новую проблему, примѣнительно къ евреямъ, мы и попытались здѣсь посильно рѣшить.

*) Эту проблему Уэллльзъ считаетъ совершенно правильно общечеловѣческою, ибо онъ полагаетъ, что человѣчество будущаго не будетъ приковано къ одному мѣсту и нынѣшнія политическія формы и учреж-

Остается остановиться еще на одной сторонѣ предлагаемой нами формулы.

Наша формула международнаго признанія еврейскаго народа, управомачиваетъ весь еврейскій народный коллективъ, а не отдѣльныхъ членовъ этого коллектива. Между тѣмъ при всякой юридической нормировкѣ національной проблемы внутри того или иного государства неизмѣнно возбуждается вопросъ о томъ, кто долженъ почитаться субъектомъ права: весь ли народъ или отдѣльные его члены. Споръ по этому поводу возгорѣлся и въ Австріи, гдѣ конституція (ст. 19) управомачивала народы, какъ таковые, а доктрина толковала эти права въ качествѣ правъ отдѣльныхъ лицъ. Соотвѣтственная ст. 19 австрійской конституціи гласитъ: „Всѣ народы Имперіи равноправны. Каждый народъ имѣетъ неприкосновенное право на охрану и развитіе своей національности и въ частности языка. Государство признаетъ равноправіе всѣхъ употребляемыхъ въ странѣ языковъ въ школѣ, государственныхъ учрежденіяхъ и обще-

---

денія, насквозь проникнутыя территоріальнымъ принципомъ, естественно не смогутъ дать надлежащаго устройства будущему „интеръ-территоріальному", подвижному человѣчеству. „Такъ какъ—ядовито замѣчаетъ Уэллльзъ—политики и государственные дѣятели являются самыми послѣдними изъ тѣхъ, кто видитъ, что происходитъ въ мірѣ, то они не дѣлаютъ никакихъ попытокъ приспособить къ общественному служенію эти чудовищно растущія массы людей, оторванныхъ отъ мѣста". Уэллльзъ, знакомый только съ англійской политической литературой и англійскимъ колоніальнымъ рѣшеніемъ національнаго вопроса, очевидно, ничего не знаетъ о персональномъ принципѣ, и поэтому естественно не могъ задуматься надъ тѣмъ, какое значеніе могъ бы пріобрѣсти этотъ принципъ въ примѣненіи къ управленію подвижнаго человѣчества. Мы считаемъ, что въ правовой жизни будущаго человѣчества территоріальный принципъ неизбѣжно потерпитъ крупный ущербъ и его во многихъ областяхъ вытѣснитъ персональный принципъ, приспособленный именно къ постоянному „мигрированію" человѣчества.

Какъ читатель навѣрно уже убѣдился (ср. также гл. VI), мы рѣшаемъ здѣсь и международную сторону еврейскаго вопроса съ точки зрѣнія персональнаго принципа. Трагедія уже издавна мигрирующаго еврейскаго народа состоитъ въ томъ, что онъ пришелъ... слишкомъ рано въ свѣтъ и что ему на своей спинѣ приходится продѣлать тѣ первые и мучительные опыты, которыми, быть можетъ, потомъ воспользуются и другіе народы.

ственной жизни". Доктрина толкуетъ эти конституціонныя нормы такъ, что права эти предоставляются не народамъ, какъ таковымъ, а отдѣльнымъ лицамъ, признавшимъ себя принадлежащими или фактически принадлежащими по обиходному языку или рожденію тому или другому народу, ибо предполагается, что народъ какъ „естественная" группа людей не можетъ быть носителемъ правъ*). И въ дѣйствительности только въ конституціи народы Австріи признаются субъектами правъ, по органическому же законодательству народы, какъ таковые, ни искать, ни отвѣчать по суду не могутъ, они не управомочены ни въ качествѣ частноправовыхъ юридическихъ лицъ, ни въ качествѣ публично-правовыхъ коллективовъ, на ихъ мѣсто выступаютъ отдѣльные граждане,—члены націи.

Если перенести эту контраверзу на разбираемый нами еврейскій вопросъ, то подобный же споръ могъ бы возгорѣться и тутъ: не проще ли и удобнѣе надѣлить національными правами отдѣльныхъ лицъ, признавшихъ себя евреями, вмѣсто того, чтобы надѣлить этими правами цѣлый народъ и тѣмъ самымъ создать единственный въ своемъ родѣ управомоченный коллективъ международнаго права. Однако, какъ мы сейчасъ ниже увидимъ, такой контраверзы въ нашемъ вопросѣ, обращающемся къ международному общенію, быть не можетъ.

Чтобы понять, откуда вообще могло появиться противоставленіе національныхъ правъ, принадлежащихъ народу, какъ коллективу, національнымъ правамъ, принадлежащимъ отдѣльнымъ индивидамъ, приходится возвратиться къ двумъ взглядамъ на національныя права, существующимъ въ юри-

*) Ср. *I. Ulbrich*, „Oesterreichisches Staatsrecht, стр. 227; *G. Iellinek*, System der subjektiven öffentlichen Rechte, изд. 2-ое, стр. 99; *E Bernatzik*, Die oester. Verfassungsgesetze, 1911, стр. 883 и многіе другіе авторы. Слѣдуетъ однако, отмѣтить, что *R. Herrnritt*, Nationalität u Recht 1899, стр. 77, защищалъ тотъ взглядъ, что въ Австріи создается особый публично-правовой статусъ національности. Изъ государствовѣдовъ ближе всего подходитъ къ взгляду Р. Шпрингера (см. ниже) *J. Lukas*, Territorialitäts—u. Personalitätsprinzip im oesterreichischen Nationalitätenrecht" въ Jahrbuch des öffentlichen Rechts, 1908—разсматривающій австрійскую національность какъ персональный коллективъ внутри государства.

дической и политической наукѣ. Первый взглядъ сводится къ тому, что національность разсматривается исключительно какъ свойство индивида, входящаго въ составъ современнаго государства, замѣнившаго феодальное и не знающаго, какъ выше отмѣчено было, различія въ правовомъ положеніи между отдѣльными гражданами. Поэтому, если конституція такого государства устанавливаетъ и обезпечиваетъ вообще всякія индивидуальныя права и свободы, какъ, напр., свободу собраній, петицій, совѣсти, печати и слова, то она должна регулировать и національныя права. Вотъ почему такое государство, обладающее разноязычными гражданами. устанавливаетъ, рядомъ съ другими основными правами индивида, и право свободнаго пользованія роднымъ языкомъ. Типична для этого взгляда бельгійская конституція, которая во второй главѣ, посвященной индивидуальнымъ правамъ бельгійцевъ („De Belges et de leur droits"), въ ст. 23 устанавливаетъ свободу языковъ фламандскаго и французскаго, Такой взглядъ на національныя права правильно и удачно былъ названъ Р. Шпрингеромъ атомистически-централистическимъ *), ибо онъ исходитъ изъ характернаго для западноевропейскихъ конституцій пониманія гражданъ, какъ равныхъ во всемъ другъ другу индивидовъ, какъ бы атомовъ государственнаго цѣлаго. Согласно этому взгляду, который только и могъ появиться въ національно-однородныхъ государствахъ послѣ паденія феодализма, государство непосредственно, мы бы сказали, распадается на составляющіе его атомы—гражданъ и никакихъ среднихъ образованій между государствомъ и составляющими его атомами не предполагается.

Существенно инымъ, противоположнымъ взглядомъ является тотъ, по которому право національности разсматри-

*) См. *Р. Шпрингеръ*, Національная проблема (русскій переводъ подъ ред. М. Ратнера, СПБ. 1909, стр. 13—14 и стр. 20—26. Поучительны и для разбираемаго вопроса слѣдующія строки. „Тотъ, кто разсматриваетъ націю, какъ собраніе однородныхъ индивидумовъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, изъ-за деревьевъ лѣса не видитъ". И тотъ, кто считаетъ это собраніе механическимъ аггрегатомъ индивидуумовъ, а не органическимъ единствомъ, забываетъ, что нація мыслитъ, чувствуетъ и *дѣйствуетъ* (курс. автора) какъ единое цѣлое" (стр. 23—24).

вается не столько какъ право отдѣльныхъ только разрозненныхъ атомовъ—гражданъ, сколько какъ право опредѣленныхъ коллективовъ, союзовъ, живущихъ внутри другого государства, но тѣмъ не менѣе обладающихъ въ качествѣ коллективовъ опредѣленными національными правами и стремленіями и ставящихъ себѣ коллективныя задачи.

Достаточно вкратцѣ уяснить себѣ различіе этихъ двухъ взглядовъ для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какого взгляда слѣдуетъ придерживаться при разрѣшеніи нашего разбираемаго здѣсь вопроса. Если и внутри государства индивидуально-атомистическая конструкція національныхъ правъ считается неправильною, если именно съ этой стороны подвергается наиболѣе ожесточеннымъ нападкамъ національное право Австріи, не дающее никакого юридическаго удовлетворенія коллективно-правовымъ задачамъ отдѣльныхъ національностей, ихъ стремленіямъ къ автономіи, то съ тѣмъ большей силой это относится къ обсуждаемой здѣсь международной сторонѣ еврейскаго вопроса.

Прежде всего индивидуально-правовое атомистическое разрѣшеніе не даетъ достаточной защиты національнымъ интересамъ и достаточнаго отраженія національно-правовымъ переживаніямъ, носящимъ, какъ выше отмѣчено было, (стр. 15—16) публично-правовой характеръ, стремящимся соціоцентрически къ созданію опредѣленнаго юридико-политическаго уклада, въ которомъ всѣ отдѣльные члены могли бы служить общему національному благу и при которомъ было бы обезпечено наиболѣе полное и правильное національное сожитіе. Индивидуалистическое рѣшеніе вопроса, предлагающее, напр., отдѣльному индивиду дать право свободно говорить въ публичныхъ собраніяхъ на родномъ языкѣ, печатать на немъ книги и газеты, обращаться на немъ къ оффиціальнымъ судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ государства, совершенно не даетъ рѣшенія проблемъ національнаго *сожитія*, т. е. возможности объединяться въ національные союзы, создавать обще-національныя учрежденія, признанныя государствомъ, ибо тысячи и десятки тысячъ людей, свободно говорящихъ, печатающихся и тяжущихся на общемъ и національномъ языкѣ, еще не составляютъ авто-

номной живой націи. На сколько отдѣльныхъ индивидуальныхъ правъ мы бы ни старались разложить право національности, мы все же при сложеніи ихъ еще не получимъ всего публичнаго права національности; между государствомъ и отдѣльными національными индивидами попрежнему останется зіять то „вредное пространство“, которое должно быть заполнено нормами, обезпечивающими публично-правовые запросы отдѣльной національности, какъ коллектива. Между индивидомъ и государствомъ по необходимости должны вклиниться національные союзы, эти скрѣпы и объединители государства національностей. Вотъ почему мы бы сказали, что *индивидуалистическое* рѣшеніе національной проблемы даетъ *частно-правовой* отвѣтъ на публично-правовой вопросъ.

Если индивидуальныя національныя права имѣютъ извѣстное значеніе внутри отдѣльнаго государства, какъ переходная ступень отъ голаго отрицанія національныхъ правъ къ публично-правовому обезпеченію ихъ, если внутри государства нѣкоторыя національныя права по соображеніямъ практическимъ должны получить индивидуальный, исковой характеръ, то все это не можетъ относиться къ современному международному праву. Это послѣднее не можетъ себѣ ставить цѣлью непосредственное обезпеченіе индивидуально-національныхъ правъ черезъ голову отдѣльныхъ государствъ, оно по самому существу своему можетъ служить только воплощенію публично-правовыхъ коллективныхъ стремленій національности. Одной изъ аксіомъ (по существу, какъ мы ниже увидимъ, достаточно спорной) современной доктрины считается то положеніе, что „международное право управомочиваетъ и обязываетъ только самыя государства, а не ихъ подданныхъ“ (ср. Ф. Листъ, (Международное право, русск. пер. § 5). Поэтому, конечно, и международная сторона еврейскаго вопроса должна получить публично-правовое коллективное, а не атомистически-индивидуальное рѣшеніе т. е. управомоченнымъ долженъ стать весь народъ, а не отдѣльные его члены, и, какъ гласитъ наша формула: „еврейскій *народъ* имѣетъ право на международное его признаніе *въ качествѣ такового*“.

VI.

Критическое обоснованіе и развитіе принципа международнаго признанія еврейства.

Несмотря на приводившіяся выше доказательства того, что международное признаніе является логическимъ и историческимъ выводомъ изъ положенія еврейскаго народа, это признаніе, какъ политическій лозунгъ, встрѣтитъ цѣлый рядъ возраженій, на которыхъ здѣсь слѣдуетъ подробнѣе остановиться.

Первое возраженіе будетъ опираться на томъ, что международно-правовое признаніе евреевъ народомъ какъ-бы означаетъ признаніе его субъектомъ международнаго права, а такъ какъ субъектами современнаго международнаго права могутъ являться только государства съ ограниченною территоріею, то еврейскій народъ, какъ безгосударственный, такимъ субъектомъ признанъ быть не можетъ.

Мы не хотѣли бы здѣсь подробно останавливаться на томъ, насколько догматически правильно утвержденіе о томъ, что только государства представляютъ субъекты международнаго права *). По нашему мнѣнію и относительно даже современнаго международнаго права это невѣрно. Не говоря уже о томъ, что, напр., новѣйшіе международные договоры по расторженію браковъ и наслѣдственному праву непосредственно надѣляютъ отдѣльное лицо

*) Господствующее мнѣніе изслѣдователей международнаго права (особенно нѣмецкихъ) несомнѣнно гласитъ, что субъектами международнаго права могутъ быть только государства, какъ таковыя, а не государи или сами народы. Противоположное мнѣніе защищаетъ, напримѣръ, *В. Кауфманъ*, Die Rechtskraft d. internat. Rechts, стр. 30, который говоритъ, что и частныя лица могутъ являться субъектами международнаго права. Впрочемъ, проф. П. Гейльборнъ („Grundbegriffe des Völkerrechts"), также примыкающій къ общему мнѣнію, устанавливаетъ два случая въ коихъ онъ признаетъ и за частными лицами свойства субъектовъ международнаго права, это случаи предусмотрѣнные Вашингтонскимъ договоромъ отъ 20 декабря 1907 г. и проэктомъ конвенціи о призовой судебной палатѣ

правами субъекта международнаго права, мы—беря примѣръ изъ публично-правовой области—должны сказать, что одно только международное признаніе папы, главы католической церкви, снабженнаго активнымъ и пассивнымъ правомъ посольства является лучшимъ опроверженіемъ этой догматической аксіомы *). Защита опредѣленныхъ національностей какъ таковыхъ, съ выступленіемъ международнаго концерта державъ въ качествѣ высшей инстанціи для такой защиты тоже представляетъ собою отклоненіе отъ вышеуказанной аксіомы. То, что такая международнаи защита проводилась только по отношенію къ народамъ (армянамъ, сирійцамъ и т. д.), живущимъ на территоріи болѣе слабыхъ, полуцивилизованныхъ или такъ-называемыхъ полусуверенныхъ государствъ, не доказываетъ того, что современное международное право принципіально чуждо признанія правъ за какими-бы то ни было образованіями, не носящими характера государствъ. Наконецъ, существованіе въ современномъ международномъ общеніи 223 организацій съ постояннымъ и устойчивымъ представительствомъ тоже говоритъ о томъ, что международный правопорядокъ перестаетъ быть несвязаннымъ конгломератомъ абсолютно независящихъ другъ отъ друга суверенныхъ государствъ. При такомъ положеніи вещей вопросъ о томъ, сможетъ-ли еврейскій народъ быть юридически безукоризненно сконструированъ въ качествѣ субъекта международнаго права, является вопросомъ догматически-международноправовымъ. Гораздо важнѣе съ политической точки зрѣнія возможность международно-правового обезпеченія его бытія и нормальнаго развитія. А что такая возможность имѣется, за это ручается развитіе международнаго общенія, которое несомнѣнно идетъ отъ нынѣшней анархіи къ организаціи, ко

*) Впрочемъ, и тѣ авторы, которые не признаютъ папу полноправнымъ субъектомъ права (Листъ, Геффкенъ и др.) все же признаютъ, что юридическое положеніе папы, насколько оно опирается на итальянскій законъ о гарантіяхъ 13-го мая 1871 г., покоится на международноправовой основѣ. Такимъ образомъ, если папа и не признается субъектомъ, то во всякомъ случаѣ, quasi—субъектомъ или объектомъ международноправовыхъ гарантій.

внесенію публично-правоваго начала въ международное общеніе. *Организація мира*, — такова тенденція развитія международнаго права отмѣченная уже давно теоретиками и практиками и намѣчающаяся теперь вопреки европейской войны. Объ этой тенденціи въ одинаковой степени говорятъ и работы Rouard de Card, Mérignhac, Revon, Dreyfus'a, Комаровскаго, Descamps, Шюкинга и др. и оффиціальныя заявленія Асквита и другихъ англійскихъ и союзныхъ министровъ и, наконецъ, такой важнѣйшій документъ современности, какъ нота президента Вильсона, 6 (19) Декабря 1916 года, въ которой выдвигается въ качествѣ ближайшихъ задачъ международнаго общенія не только обезпеченіе судьбы малыхъ государствъ — субъектовъ международнаго права, но и малыхъ народностей, отнюдь субъектами международнаго права до сихъ поръ не являющимися. Та же задача, уже въ качествѣ непосредственной цѣли войны, выдвигается и въ отвѣтной нотѣ державъ согласія на ноту президента Вильсона. Здѣсь въ числѣ прочихъ цѣлей войны, выдвигается слѣдующая: „Реорганизація Европы, гарантированная режимомъ прочнымъ и основаннымъ какъ на уваженіи къ національностямъ, такъ и на правѣ ихъ на полную безопасность и на свободу экономическаго развитія, принадлежащемъ всѣмъ какъ великимъ, такъ и малымъ народамъ". Эта предположенная реорганизація Европы необходимо связана съ существованіемъ такъ называемой „лиги народовъ", то-есть, публично-правового международнаго общенія, которое обладало бы извѣстною властью по отношенію ко входящимъ въ его составъ государствамъ и инымъ союзамъ, комиссіямъ и прочимъ учрежденіямъ, и постановленія коего были бы снабжены опредѣленною принудительною санкціею, похожею на санкцію внутри государственныхъ нормъ и постановленій. Эта связь между режимомъ уваженія къ національностямъ и замиреннымъ состояніемъ при существованіи „лиги народовъ" признается и нотою державъ согласія. Въ началѣ ноты мы читаемъ: „Они (союзныя правительства Англіи, Россіи, Франціи и т. д.— М. Л.) считаютъ необходимымъ, прежде всего, заявить,

что они . . . . всемѣрно сочувствуютъ проекту образованія лиги народовъ для обезпеченія мира и справедливости во всемъ мірѣ. Они признаютъ всѣ преимущества, которыя доставитъ человѣчеству и цивилизаціи созданіе международныхъ постановленій, имѣющихъ цѣлью предотвращать столкновенія между народами, постановленій, которыя должны были бы имѣть необходимыя санкціи для обезпеченія ихъ выполненія и воспрепятствованія тому, чтобы видимая безопасность не облегчала бы лишь новыя нападенія".

Констатировавъ тенденцію вытѣсненія изъ международнаго права частно-правовыхъ началъ и возобладанія началъ публично-правовыхъ, ведущихъ неизбѣжно къ созданію организованной „лиги народовъ", мы вмѣстѣ съ тѣмъ можемъ констатировать тенденцію, логически связанную съ первою, а именно: тенденцію исчезновенія абсолютнаго господства территоріальнаго принципа и появленія рядомъ съ нимъ персональнаго принципа.

Если международное общеніе медленно, но неотступно стремится превратиться изъ неорганизованнаго общенія, неизбѣжно связаннаго съ институтомъ войны, въ лигу народовъ, въ ту civitas gentium, которая будетъ проникнута публично-правовыми принципами, неизбѣжно связанными съ институтами вѣчнаго мира, то вполнѣ понятно, что это новое міровое государство неизбѣжно должно будетъ подвергнуться той же тенденціи, которой подвергается отдѣльное государство, въ особенности многонародное государство, такъ называемое государство національностей (Nationalitätenstaat). Въ этомъ послѣднемъ мы видимъ, что признаніе правъ національности по территоріальному принципу ведетъ къ цѣлому ряду тяжелыхъ конфликтовъ, можно сказать, къ состоянію безпрерывной гражданской войны. Классическимъ примѣромъ можетъ послужить Австрія, въ которой признаніе правъ національностей на территоріальной основѣ привело къ большей склокѣ между отдѣльными національностями и къ большей враждебности къ объединяющему государству, чѣмъ въ многонародныхъ государствахъ, вовсе не признающихъ за отдѣльными

народностями національныхъ правъ *). Австрія распадается на рядъ отдѣльныхъ территоріальныхъ округовъ, такъ называемыхъ „коронныхъ земель“, внутри которыхъ всегда почти имѣются господствующія націи и такъ называемыя націи-меньшинства. Эти послѣднія, въ виду того, что данная „земля“ организована примѣнительно къ господству одной національности большинства, не могутъ добиться полнаго признанія національныхъ правъ. Въ свою очередь данная нація, будучи въ одной области меньшинствомъ, вознаграждаетъ себя за счетъ другихъ націй въ той области, гдѣ она составляетъ большинство. Въ такой чередующейся системѣ гнета и господства живутъ, напримѣръ, чехи и нѣмцы: въ Богеміи и Моравіи чехи составляютъ большинство и господствуютъ. Въ Штиріи, Каринтіи и Тиролѣ господствуютъ нѣмцы и т. д. Это обстоятельство приводитъ въ новѣйшее время къ персональному признанію данной націи, то-есть, къ юридическому признанію націи на всемъ пространствѣ Австріи, независимо отъ мѣстонахожденія и пропорціональнаго распространенія по территоріямъ отдѣльной національности. При дѣйствіи персональнаго принципа данная національность не принуждена терять связь со своими членами тамъ, гдѣ они по отношенію къ другимъ національностямъ находятся въ меньшинствѣ. Національность концентрируетъ всѣхъ своихъ членовъ, хотя бы они были разбросаны по всему лицу государства, и это благодаря тому, что дѣйствіе той правовой нормы, которая гарантируетъ тѣ или иныя національныя права, ограничивается персонально, а не территоріально.

Если эту тенденцію перенести на „лигу народовъ“, на civitas gentium, которая именно и явится многонаціональнымъ міровымъ государствомъ, а не однороднымъ съ господствующей народностью, то надо будетъ признать, что и въ этомъ международномъ государствѣ будущаго долженъ будетъ найти себѣ признаніе персональный принципъ, то-

*) См. *Р. Шпрингеръ* „Національная проблема“, русскій переводъ 1909 года, страницы 52—54.

есть, принципъ признанія національныхъ правъ за отдѣльнымъ народомъ, независимо отъ его мѣстонахожденія, степени его привязанности къ территоріи, количественныхъ пропорцій и т. д. Ни одинъ народъ не долженъ будетъ отдавать на съѣденіе господствующимъ народамъ части своего коллектива, и всѣ народы смогутъ быть представлены въ будущей лигѣ народовъ въ мѣрѣ ихъ дѣйствительной численной и духовной мощи. При такомъ положеніи вещей и въ такой перспективѣ получитъ свое разрѣшеніе и еврейскій вопросъ, ибо при организованной „лигѣ народовъ“ ничто не противостоитъ международному персональному признанію еврейства въ качествѣ народа. Поэтому, если еврейскій народъ не можетъ являться субъектомъ нынѣшняго международнаго права, то онъ несомнѣнно сможетъ стать субъектомъ будущей „лиги народовъ“, именно народовъ, а не только государствъ.

Въ ту же перспективу развитія международнаго права должны быть поставлены два другихъ возраженія, находящіяся въ тѣсной связи съ первымъ: 1) признаніе народа, живущаго въ различныхъ государствахъ, субъектомъ международнаго права или даже объектомъ международно-правовыхъ гарантій противорѣчитъ суверенитету каждаго отдѣльнаго государства и 2) это признаніе какъ-бы ведетъ къ конфликту между положеніемъ даннаго лица въ качествѣ гражданина даннаго государства и положеніемъ его въ качествѣ члена народа, международно-признаннаго.

Съ точки зрѣнія развитія международно-правового общенія абсолютная суверенность каждаго отдѣльнаго государства есть нѣчто исторически преходящее. При нынѣшнемъ состояніи международнаго права каждое отдѣльное государство представляется какъ-бы замкнутымъ кругомъ, во внутрь котораго не допускается воздѣйствіе иной государственной власти или международнаго общенія. Поскольку конгломератъ государствъ остается неорганизованнымъ, проникнутымъ первичнымъ состояніемъ частнаго права, лишеннымъ всякаго высшаго организующаго публично-правового центра, постольку догма суверенности остается въ общемъ правильной. Но мы знаемъ, что послѣднія десяти-

лѣтія съ ихъ частичнымъ осуществленіемъ международнаго обязательнаго третейскаго суда, съ возникновеніемъ цѣлаго ряда международныхъ административныхъ органовъ и т. д. пробили сильную брешь въ этой догмѣ. Одинъ изъ самыхъ передовыхъ учителей международнаго права пишетъ по этому поводу (*W. Schücking,* „Die Organisation der Welt", стр. 82): „Идея суверенности отдѣльныхъ культурныхъ государствъ не имѣетъ абсолютной и вѣчной цѣнности. Сегодня она еще является политической догмой. Но наука знаетъ, что эта идея исторически возникла при совершенно особыхъ обстоятельствахъ и что, поэтому, съ полнымъ измѣненіемъ этихъ обстоятельствъ, эта идея можетъ исчезнуть. Ибо идея суверенита рождена въ борьбѣ съ идеями императорской и папской вселенскихъ монархій, а этихъ идей въ настоящее время нечего опасаться"... Поскольку же идея абсолютнаго суверенита отдѣльнаго государства исторически обречена на гибель, постольку и международное рѣшеніе еврейскаго вопроса не будетъ противорѣчить больше сегодняшнему суверенитету и идеѣ подданической вѣрности. Никакихъ коллизій не будетъ между состояніемъ въ качествѣ гражданина даннаго государства и принадлежностью къ международно-признанной еврейской національности. Въ этомъ смыслѣ за предлагаемое рѣшеніе еврейскаго вопроса говоритъ объективный ходъ исторіи. И это должно явиться наилучшею опорою въ политической дѣятельности въ указываемой области. Международному признанію еврейскаго народа въ качествѣ токового ничего не противостоитъ въ будущемъ. Больше того, будущее за такое рѣшеніе.

Но, можетъ быть, возразятъ, что безукоризненность такого рѣшенія въ далекомъ будущемъ не даетъ еще возможности говорить о международномъ признаніи, какъ лозунгѣ ближайшаго времени. Мы, однако, полагаемъ, что, поскольку историческое будущее вырастаетъ изъ настоящаго, поскольку люди своими разумными дѣйствіями могутъ способствовать скорѣйшему наступленію этого будущаго, постольку возможно и необходимо сегодняшнюю политическую работу направить по указанному руслу. Мы пока-

зали выше, что сегодня уже не одни только государства являются субъектами международнаго права, и постольку международное признаніе евреевъ не было бы чѣмъ-то исключительнымъ и небывалымъ, мы показали, что идея суверенитета претерпѣваетъ уже въ настоящее время нѣкоторый ущербъ. Наконецъ, уже въ наши дни подданные отдѣльнаго государства одновременно являются и членами другихъ публично-правовыхъ организацій, различныхъ комиссій, бюро и институтовъ, по отношенію къ которымъ они несутъ рядъ обязанностей, тѣмъ не менѣе государство не усматриваетъ въ этомъ никакой коллизіи. Вотъ почему юридическое признаніе евреевъ отнюдь не экспатріируетъ евреевъ различнаго подданства и не дѣлаетъ ихъ плохими патріотами подобно тому, какъ международное признаніе папы и его власти надъ чадами вселенской католической церкви не экспатріируетъ католиковъ различныхъ отечествъ и не дѣлаетъ ихъ плохими патріотами.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, если полное осуществленіе указаннаго лозунга возможно только въ далекомъ будущемъ, то работа подготовительная возможна немедленно, и возможна при полномъ сохраненіи прежнихъ внутренне-политическихъ лозунговъ.

Но, могутъ возразить скептики, если возможна работа нынѣ же для осуществленія того далекаго будущаго, когда мечи будутъ перекованы въ орала, а пушки будутъ поставлены въ музеяхъ рядомъ съ средневѣковыми орудіями пытокъ, то это все же работа для далекаго будущаго, для времени полнаго организованнаго международнаго общенія, идущая только параллельно съ ближайшими политическими лозунгами дня. На это придется отвѣтить, что въ лозунгѣ международнаго признанія скрытъ громадный злободневный политическій смыслъ.

Ибо помимо вышеизложенныхъ соображеній о неизбѣжности постепеннаго исчезновенія доктрины абсолютнаго суверенитета государства, какъ члена международнаго общенія, съ точки зрѣнія практической политики требованіе международноправового признанія еврейства, по нашему мнѣнію, совершенно не затрагиваетъ суверенитета того

или другого отдѣльнаго государства, такъ какъ адресатомъ этого требованія является не отдѣльное государство, а все международное общеніе, всѣ государства въ ихъ совокупности. Если основною цѣлью является наивозможная унификація и уравненіе правового положенія еврейскаго народа повсюду, то единственно вѣрнымъ путемъ къ этой цѣли является предлагаемая нами концентрація, при которой субъектомъ требованія является единый еврейскій народъ, а адресатомъ-отвѣтчикомъ опять-таки единая „лига народовъ“ или международное общеніе. Поскольку нынѣ правовыя требованія евреевъ адресуются десяткудругому различныхъ государствъ, съ разною степенью гражданскаго и политическаго развитія, и правовое положеніе евреевъ остается разнообразнымъ и взамопротиворѣчивымъ: сколько государствъ поселенія, сколько юридическихъ положеній для одного и того же народа. Иное дѣло при установленіи международной концентраціи: еврейское безправіе — подобно институту рабства—перестаетъ быть только внутреннимъ дѣломъ отдѣльныхъ государствъ, оно становится недопустимымъ внутри всѣхъ государствъ международнаго общенія. И подобно тому, какъ въ международныхъ постановленіяхъ, направленныхъ противъ института рабства, никто не усматриваетъ ни ущерба достоинству, ни умаленія суверенитета государствъ, такъ и во всесвѣтномъ уничтоженіи еврейскаго безправія и въ международномъ признаніи евреевъ ни одно государство не можетъ усмотрѣть умаленія своего достоинства или суверенитета.

Цѣнность политическаго требованія о международномъ признаніи, могущаго быть выставленнымъ сейчасъ же по возбужденіи предстоящихъ проблемъ мира всего міра, заключается въ слѣдующемъ: оно даетъ возможность выступить еврейскому народу въ международной области какъ единому цѣлому Защита еврейскаго народа перестаетъ быть дипломатическою полу-легальщиною и дѣломъ отдѣльныхъ благожелательно-настроенныхъ, но безотвѣтственныхъ лицъ и группъ. Еврейская демократія получаетъ возможность—подобно другимъ демократіямъ культурныхъ

народовъ—способствовать демократизаціи внѣшней политики. Мало того, еврейская демократія, какъ демократія многогосударственнаго народа, становится особенно мощнымъ факторомъ образованія организованнаго международнаго общенія.

Неужели эти историческія перспективы въ наше время провозглашенной борьбы противъ милитаризма не достаточно широки для того, чтобы приступить къ работѣ надъ ними?

Не слѣдуетъ, однако, опустить изъ виду еще одно важное обстоятельство. Великимъ и малымъ державамъ доподлинно извѣстно, что еврейскій вопросъ и далѣе, подобно минувшему столѣтію, будетъ стоять на очереди дня. Берлинскій конгрессъ 1878 года не послѣдній международный конгрессъ, на которомъ обсуждался еврейскій вопросъ. Совершенно игнорировать его невозможно до тѣхъ поръ, пока дипломатія вообще будетъ интересоваться проблемой малыхъ народовъ. А между тѣмъ какъ разъ эта проблема объявлена столь же очередной, какъ и рѣшеніе вопроса о полномъ уничтоженіи милитаризма и созданіе подлиннаго организованнаго международноправового общенія (см. сборникъ „The War and Democracy", особенно введеніе и статья D. Wilson'a *). Поскольку же евреи представляютъ собою малую народность, постольку

*) Очень интересно отмѣтить, что именно въ этомъ англійскомъ сборникѣ затрагивается и еврейскій вопросъ, какъ міровой. Авторъ Dover Wilson—возражаетъ противъ положенія Трейчке, что „ни одна нація не можетъ позволить евреямъ имѣть двойную національность". Авторъ съ небывалою въ англійской литературѣ отчетливостью различаетъ малыя государства и малыя національности, причисляя къ послѣднимъ евреевъ, и высказывается рѣшительно за обезпеченіе евреямъ возможности свободнаго проявленія ихъ національнаго своеобразія. „Міръ—пишетъ авторъ—не можетъ обойтись безъ своихъ малыхъ національностей, которыя должны стать либо независимыми, либо автономными, если имъ вообще суждено найти адэкватное выраженіе ихъ національному генію и получить соотвѣтственныя условія для того, чтобы „жить, думать, любить и работать на общую пользу". Можемъ ли мы гарантировать эту свободу малымъ народностямъ? Это одинъ изъ тѣхъ великихъ вопросовъ, которые будутъ разрѣшены настоящею войною (стр. 49).

вопросъ о нихъ неизбѣжно долженъ быть возбужденъ *), и постольку же должно быть выслушано мнѣніе самого еврейскаго народа по этому поводу. Но тутъ-то и долженъ возникнуть неизбѣжный вопросъ у державъ, *кто* же выражаетъ національныя правопритязанія евреевъ. Это вопросъ съ юридической точки зрѣнія не менѣе важный, чѣмъ вопросъ о томъ, въ *чемъ* заключаются эти требованія.

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что представительство внѣшне-политическихъ интересовъ народа должно будетъ быть передано опредѣленнымъ лицамъ, снабженнымъ соотвѣтствующими полномочіями. Должно быть устранено добровольное представительство и защита еврейскаго народа со стороны тѣхъ или другихъ благосклонно расположенныхъ сановныхъ ходатаевъ, не отвѣтственныхъ ни передъ кѣмъ и дѣйствующихъ за собственный страхъ и рискъ.

Опредѣленіе формъ избранія и назначенія органовъ представительства имѣетъ — по сравненію съ главнымъ пунктомъ международнаго признанія — второстепенное значеніе. Какъ будутъ создаваться эти управомоченные органы, — это вопросъ, которымъ надо будетъ заняться уже послѣ того, какъ основной пунктъ будетъ признанъ, т. е. будетъ принята формула международнаго признанія съ вытекающими изъ нея слѣдствіями.

Что же касается заполненія вышеназванной абстрактно-юридической формулы конкретнымъ содержаніемъ, то это

---

*) Уже по окончаніи этой работы изъ газетъ стало извѣстно содержаніе второй ноты президента Вильсона, переданной американскимъ посломъ въ Петроградѣ министру иностранныхъ дѣлъ 9-го января 1917 года (стараго стиля). Въ ней Вильсонъ останавливается на томъ „международномъ строѣ, который отнынѣ будетъ призванъ охранять всесвѣтный миръ," и въ числѣ условій, которыя американскій народъ пожелалъ бы увидѣть осуществленными послѣ настоящей войны, президентъ Вильсонъ указываетъ и на то условіе, чтобы „впредь всѣмъ народамъ, которые доселѣ жили подъ властью государства, исповѣдующаго другую вѣру и преслѣдующаго иныя, даже враждебныя этимъ народамъ, цѣли что всѣмъ этимъ народамъ должна быть обезпечена свобода существованія, вѣры и промышленнаго общественнаго развитія".

вопросъ дальнѣйшій. Упомянемъ только, что фактъ признанія влечетъ за собою и признаніе цѣлаго ряда правъ, безъ которыхъ признаніе народа какъ такового останется только деклараціей. Вопросъ этотъ, конечно, представитъ извѣстныя трудности, которыя должны быть преодолѣны различными партіями и теченіемъ внутри еврейскаго народа. Во внѣ же слѣдуетъ выступить съ единымъ требованіемъ, которое представляло бы общій знаменатель тѣхъ требованій, которыя предъявляются всѣми политическими еврейскими партіями (за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, которыя стоятъ на точкѣ зрѣнія отрицанія національнаго характера за евреями, какъ, напримѣръ, ассимиляторы и подобныя мелкія группы, и, быть можетъ, сіонистовъ, настаивающихъ на собственной территоріи въ Палестинѣ). Этотъ общій знаменатель не долженъ быть слишкомъ великъ, то-есть не долженъ итти дальше тото минимума, отъ коего ни одна партія не захочетъ отказаться. При такихъ условіяхъ предъявленное требованіе будетъ тою conditio sine qua non, тою программою-минимумъ, которая будетъ поддержана всѣми народными партіями, начиная съ соціалистическихъ, а потому явится достаточно авторитетной въ собственныхъ глазахъ еврейскаго народа и въ глазахъ международнаго общенія. Всякая иная постановка вопроса, сопряженная со внесеніемъ партійныхъ разногласій въ опредѣленіи границъ нашихъ требованій, превращаетъ одну изъ трагическихъ сторонъ еврейскаго національнаго вопроса въ международное посмѣшище и наперед обречена на безплодіе.

Мнѣ кажется, что эта объединяющая формула мною найдена, мнѣ кажется, что это та позиція, съ которой еврейскія политическія партіи могутъ врозь итти, но вмѣстѣ бить. Формула „еврейскій народъ—международно-признанный народъ“ включаетъ въ себѣ двѣ стадіи не одинаковаго юридическаго и политическаго содержанія: первая, исторически болѣе близкая стадія — это еврейскій народъ въ качествѣ объекта международно-правовыхъ гарантій, вторая, значительно болѣе отдаленная, — это еврейскій народъ въ качествѣ полноправнаго субъекта международ-

наго права. Но эти двѣ стадіи неразрывно связаны одна съ другой, и въ извѣстный историческій моментъ становится неяснымъ, чѣмъ является данное образованіе: объектомъ ли только международноправовыхъ гарантій или полноправнымъ субъектомъ международнаго права. Сущность спора вокругъ юридической характеристики папства именно и вертится вокругъ этихъ двухъ квалификацій: объекта и субъекта международнаго права. Въ зависимости отъ того, въ какой изъ двухъ вышеназванныхъ формъ: болѣе или менѣе пассивнаго объекта или же болѣе или менѣе активнаго субъекта — добьется еврейскій народъ своего международноправового признанія находится и та форма организаціи, къ которой придется ему прибѣгнуть. Говорить поэтому о формѣ этой организаціи въ данный моментъ, на страницахъ настоящей работы, имѣетъ смыслъ лишь, поскольку мы хотѣли бы дать отвѣтъ на конкретный вопросъ о томъ, какъ мы себѣ конкретно представляемъ такую организацію и тотъ органъ еврейства, который долженъ фигурировать и функціонировать отъ имени еврейства, какъ международно-признаннаго народа.

При признаніи евреевъ объектомъ международно-правовыхъ гарантій проще всего было бы прибѣгнуть къ той формѣ организаціи, которая напрашивается сама собою,— это форма національнаго конгресса, какъ постояннаго учрежденія. Насколько можно судить по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ формахъ, нѣсколько напоминающихъ предлагаемую нами форму, пошло такъ называемое конгрессное движеніе въ Америкѣ. Но различіе—и притомъ существенное—между предлагаемымъ нами конгрессомъ и американскимъ заключается въ томъ, что послѣдній мыслится какъ конгрессъ временный, какъ съѣздъ американскаго еврейства, вызванный чрезвычайно важными интересами современности, но не какъ постоянное національное учрежденіе. Американскій корреспондентъ „Еврейскихъ Вѣстей“ пишетъ по этому поводу: „Конгрессъ учрежденіе временное. Онъ созывается одинъ разъ еще до окончанія войны, вырабатываетъ программу требованій, избираетъ Исполнительный Комитетъ, который, такимъ образомъ, имѣетъ право гово-

рить отъ имени всего американскаго еврейства. Черезъ годъ послѣ войны Исполнительный Комитетъ созываетъ второй конгрессъ, которому отдаетъ отчетъ въ предпринятыхъ шагахъ. Послѣ этого конгрессъ прекращаетъ свое существованіе" *).

И этотъ *временный* характеръ американско-еврейскаго конгресса вполнѣ вытекаетъ изъ той нерѣшительной, компромиссной позиціи, которую заняла по этому поводу организующая конгрессъ конференція, состоящая изъ представителей различныхъ группъ американскаго еврейства, въ ней объединились двѣ столь различныя по соціальному и національному облику группы, какъ Рабочій Комитетъ и олигархическій Американско-Еврейскій Комитетъ **). Программа этой конференціи заключается въ слѣдующемъ: „Конференція стремится объединить въ первую линію евреевъ Америки, а затѣмъ евреевъ всего міра съ цѣлью гарантированія полноправія евреевъ во всѣхъ странахъ и уничтоженія ограниченій и исключительныхъ законовъ, гдѣ таковые противъ евреевъ существуютъ. Понятіе полноправія включаетъ гражданскія, вѣроисповѣдныя и политическія права и, кромѣ того, групповыя ***) права, гдѣ таковыя предоставлены тѣмъ или инымъ народностямъ".

*) См. „Еврейскія Вѣсти" номеръ 9 отъ 22 декабря 1916 года.

**) См. „Еврейскія Вѣсти" номеръ отъ 22 декабря 1916 г.

Впрочемъ, поскольку, по мнѣнію американскихъ евреевъ, рѣчь шла прежде всего, или даже исключительно, о конгрессѣ, объединяющемъ евреевъ только одной страны и только по опредѣленному поводу, такой временный характеръ конгресса болѣе или менѣе понятенъ. Но американское еврейство должно было понять, что дѣло защиты еврейства не можетъ ограничиться единовременнымъ, хотя и внушительнымъ, выступленіемъ, и что — по окончаніи дѣятельности настоящаго конгресса—рѣчь пойдетъ о постоянной органической работѣ.

***) Подъ „групповыми правами" подразумѣваются права національнаго самоуправленія, автономіи. Приведенная конференція, очевидно, имѣетъ въ виду положеніе евреевъ въ такомъ государствѣ національностей, какъ напр., Австрія. Нынѣ евреи не признаны въ Австріи въ качествѣ національности (ср. *Bernatzik* Oester. verfassungsgesezte изд. 1911 г. стр. 880), а между тѣмъ еще при конскрипціи 1846 года евреи считались особою народностью. Бывали попытки создавать и въ Австріи особый публично-правовой статусъ для евреевъ, такъ, напр., недавно еще буко-

Какъ только, по мнѣнію конференціи, будетъ сыграна роль конгресса, какъ защитника европейскихъ національныхъ интересовъ въ данный историческій моментъ, конгрессъ, какъ мавръ, исполнившій свою обязанность, уходитъ со сцены, не претендуя на роль постояннаго организующаго центра еврейства и не проектируя созданія такового въ будущемъ.

Надо думать, что въ значительной степени это несоотвѣтствіе между цѣлью—объединенія евреевъ всего міра—и средствомъ—временнымъ конгрессомъ или съѣздомъ—объясняется компромисснымъ характеромъ такъ называемаго конгресснаго движенія *). Но и въ такой формѣ фактъ созыва конгресса слѣдуетъ привѣтствовать какъ первый серьезный шагъ по пути національной концентраціи. Сама жизнь довершитъ то, что логически заложено въ первой фразѣ программы—о необходимости объединенія евреевъ всего міра и довершитъ въ томъ направленіи, о которомъ мы выше говорили

Предлагаемый нами конгрессъ,—разумѣется, не какъ съѣздъ, созываемый отъ случая къ случаю,—но какъ постоянное учрежденіе съ болѣе или менѣе зафиксированными сессіями, на подобіе парламентскихъ сессій, въ достаточной степени могъ бы служить органомъ 1) разрабаты-

---

винскій ландтагъ въ своемъ законопроектѣ областного представительства предлагалъ создать рядомъ съ другими національными куріями и еврейскую. Но правительство отвергло это предложеніе и слило еврейское населеніе съ нѣмецкимъ. Не безынтересно отмѣтить, что законопроектъ этотъ, превратившійся въ законъ 26 мая 1910 г., въ § 2 признаетъ существованіе такой, напр., ничтожной по численности національности какъ армено-польская. Въ Австріи повсюду евреи оффиціально причисляются по обиходному языку къ господствующимъ національностямъ (преимущественно къ нѣмцамъ), а между тѣмъ въ одной только Галиціи и Буковинѣ, не считая западно-австрійскихъ земель, количество евреевъ превышаетъ 1.000.000 душъ.

Программа конференціи, очевидно, не имѣетъ въ виду тѣхъ странъ, которыя вообще не знаютъ публично-правовой регулировки національныхъ правъ, хотя бы евреи тамъ состовляли болѣе или менѣе значительную или компактную часть населенія.

*) Ср. корреспонденцію Р. Бланка изъ Америки „Еврейская Недѣля“ № 28 за 1916 годъ.

вающимъ стоящіе на очереди вопросы національной жизни, и 2) представляющимъ во внѣ, по отношенію къ государствамъ-гарантамъ и всему международному общенію мнѣнія и правопритязанія всемірнаго еврейства. Въ то же время такой конгрессъ могъ бы служить тѣмъ организующимъ и связующимъ центромъ, въ которомъ, какъ выше отмѣчено было, такъ насущно нуждается еврейскій народъ, національное правосознаніе котораго стремится къ положительной правотворческой работѣ. Этотъ постоянный еврейскій конгрессъ явитъ міру и денаціонализированнымъ группамъ еврейства доказательство того, что еврейская національная работа не заключается только въ дѣйствіяхъ отъ случая къ случаю, подобно работѣ погребальнаго братства или пожарной дружины. Работа надъ еврейскими національными проблемами должна происходить повседневно, она можетъ и должна стать столь же будничной, какъ и дѣятельность любого парламента. Вопросы экономическаго и духовнаго существованія еврейскаго народа могутъ составить достаточно матеріала для повседневной работы національнаго конгресса, ибо не признать этого—значитъ не признать національнаго raison d'être за евреями.

Но помимо этого конгресса и, быть можетъ, задолго до его организаціи возникнетъ необходимость въ созданіи особыхъ органовъ: институтовъ и комиссій, цѣлью которыхъ явится частью возстановленіе, частью коренное преобразованіе разрушеннаго длительною и ожесточенною войною еврейскаго политико-экономическаго уклада бывшей черты осѣдлости. Будущія политическія и экономическія судьбы бывшей „черты" нынѣ трудно предвидѣть, но ясно, что возврата къ прежнему отчаянному до-военному положенію, къ ужасному status quo ante, нѣтъ и быть не можетъ. Въ этой новой обстановкѣ,—которая нынѣ уже слагается и къ окончанію войны окончательно сложится на *всей* территоріи бывшей черты, независимо отъ тѣхъ или иныхъ рубежей,—и предстоитъ обезпечить широкимъ трудящимся слоямъ еврейскаго народа возможность новой организованной жизни и право на достойное существованіе, ибо еврейскій народъ вслѣдствіе своего специфическаго многогосу-

дарственнаго бытія больше другихъ истерзанъ и обезкровленъ этой войной. Разумѣется, что дѣятельность этихъ учрежденій—реконструкціонныхъ институтовъ, постоянныхъ и временныхъ комиссій общеэкономическаго, переселенческаго, культурно-политическаго и др. характера—не сможетъ ограничиться условною пограничною чертою, и постольку дѣятельность эта, юридически признанная, неизбѣжно явится по сушеству международною. Отъ такой работы ни одна подлинно-демократическая еврейская партія, каковы бы ни были ея взгляды на международную постановку еврейскаго вопроса, уклониться не сможетъ. И къ такой-то не дипломатически-бумажной, не торжественно-чрезвычайной, а повседневной международной работѣ жизнь призоветъ еврейскую демократію.

Въ такой историко-политической перспективѣ указанные конгрессъ, институты и комиссіи явятся только подготовительною стадіею къ болѣе отдаленнымъ юридико-политическимъ формамъ организаціи. Безспорно ясно, однако, то, что созданіе и легальное функціонированіе отдѣльныхъ международныхъ еврейскихъ органовъ—или органа,—обслуживающихъ различныя части еврейскаго народа, невозможно безъ—хотя бы молчаливаго—международнаго признанія еврейскаго народа, если только не свести функціи этихъ органовъ къ кругу обычныхъ частно-правовыхъ организацій помощи. Для авторитетныхъ дѣйствій, которыя такіе органы по необходимости должны проявлять въ различныхъ государствахъ, для согласованія и объединенія этихъ дѣйствій, эти еврейскіе международные органы не могутъ почитаться частно-правовыми благотворительными или кооперативными обществами, они именно должны быть признаны *органами публично-правовыми*, на подобіе уже существующихъ международныхъ комиссій и бюро въ различныхъ областяхъ между-государственныхъ отношеній.

Созданіе и легальное (съ международноправовой точки зрѣнія) существованіе такихъ органовъ или институтовъ явилось бы переходной ступенью отъ полнаго международнаго не-признанія еврейскаго народа къ признанію его въ качествѣ народа.

Значительно болѣе сложную организацію должна была бы получить еврейская концентрація въ случаѣ полнаго признанія за нею правъ субъекта международнаго права, ибо въ этомъ случаѣ она была бы признана государствоподобнымъ союзомъ.

Однако, совершенно независимо отъ двухъ исторически-послѣдовательныхъ стадій международнаго признанія еврейства: сперва въ видѣ quasi объекта международноправовыхъ гарантій, а затѣмъ въ видѣ субъекта международнаго права,—на самой формулѣ, международнаго персональнаго признанія я полагаю, могли бы сойтись всѣ отвѣтственныя еврейскія политическія партіи, представляющія подлинные интересы народныхъ массъ.

* * *

Если противъ предлагаемой нами концентраціи возразятъ—общимъ упрекомъ всему современному международному праву,—что всякія международныя соглашенія и гарантіи безсильны тамъ, гдѣ то или иное государство, вошедшее въ соглашеніе или давшее гарантію, готово въ любой моментъ—нарушить взятыя на себя обязательства, то на это придется отвѣтить только однимъ: все, что *можетъ* быть сдѣлано въ международной области, *должно* быть сдѣлано, а уничтоженіе безсилія международнаго права есть общечеловѣческая, но не національно-еврейская проблема. Понятно, что еврейскому народу международное право дастъ пока что гарантіи не большей прочности, нежели гарантіи, данныя всѣмъ другимъ народамъ и государствамъ. Но въ этой международноправовой плоскости еврейская проблема становится неизбѣжной частью общечеловѣческой проблемы,—проблемы о недопустимости превращенія международноправовыхъ нормъ и соглашеній въ жалкіе клочки бумаги. Никто не можетъ сказать, когда подлинный международный правопорядокъ станетъ дѣйствительностью, но

одно ясно: идея международнаго публично-правового общенія растетъ и ширится, это общеніе окрѣпнетъ послѣ настоящей войны и, если уже въ 1815 году Священнымъ Союзомъ поднимались и разрѣшались въ международномъ порядкѣ вопросы внутренней жизни народовъ, то это тѣмъ болѣе будетъ дѣлаться—въ иныхъ размѣрахъ и съ иными цѣлями—послѣ великой европейской войны начала XX столѣтія. Въ предстоящей „лигѣ народовъ", въ новомъ международномъ правопорядкѣ, проникнутомъ новымъ духомъ *демократическаго* легитимизма и многострадальному еврейскому народу принадлежитъ его portio legitima, его давнишняя законная доля.

Въ соотвѣтствіи со всѣмъ вышеизложеннымъ выдвинуть требованіе о международномъ признаніи еврейскаго народа является долгомъ восточнаго еврейства, въ которомъ наиболѣе живуче національное самосознаніе и сознаніе разсѣянности его бытія. Еврейскій народъ не можетъ остаться безъ отвѣта на тотъ конкретный вопросъ, который будетъ предъявленъ ему въ отвѣтственный моментъ созыва мирнаго конгресса. Было бы тяжкимъ преступленіемъ передъ историческими судьбами народа выдвинуть въ этотъ моментъ отдѣльныя требованія, съ которыми не весь еврейскій народъ согласенъ и разобраться въ которыхъ невозможно международному конгрессу, ибо такой конгрессъ не государственный парламентъ. Къ этому судному дню, который раньше или позже наступитъ, слѣдуетъ готовиться и объединяться въ сознаніи тяжкой исторической отвѣтственности, возложенной нынѣ на отвѣтственныя демократическія партіи народа.

Приложенія

I.

Изъ рѣчи премьеръ-министра Асквита въ палатѣ общинъ 6 авг. 1914 г. (нов. ст.) *)

„Если меня спрашиваютъ, за что мы боремся, я отвѣчаю двумя положеніями. Во-первыхъ, мы боремся за исполненіе торжественно даннаго международнаго обязательства, обязательства, которое, будучи заключено между частными лицами по обычнымъ житейскимъ дѣламъ, было бы сочтено не только за обязательство права, но и за обязательство чести, отъ котораго ни одинъ уважающій себя человѣкъ не могъ бы отказаться. Во-вторыхъ, я утверждаю, что мы боремся за то, чтобы защитить принципъ въ настоящіе дни, когда сила, матеріальная сила иногда выступаетъ въ качествѣ господствующаго вліянія и фактора въ развитіи человѣчества; мы боремся въ защиту того принципа, чтобы малыя національности не были раздавлены нарушеніемъ международной доброй вѣры (international good faith) и произволомъ сильной и угнетающей державы. Я вѣрю, что ни одна нація никогда не вступала въ великую распрю—а настоящая распря одна изъ величайшихъ, какую когда-либо знала исторія—съ болѣе яснымъ сознаніемъ и болѣе твердымъ убѣжденіемъ, что она воюетъ не за захваты и даже не для поддержки своего собственнаго интереса, но въ защиту принциповъ, поддержка которыхъ жизненно необходима міровой цивилизаціи. Мы вступили въ борьбу не только въ полномъ сознаніи разумности и справедливости, но и въ сознаніи лежащихъ на насъ обязанностей бороться за указанный великій исходъ".

*) Изъ англійской синей книги „Great Britain and the European Crisis", стр. 101, изд. 1914 г.

II.

РЕЗОЛЮЦІЯ ЕВРЕЙСКАГО РАБОЧАГО СЪѢЗДА ВЪ АМЕРИКѢ.*

Засѣданіе 5-го и 6-го сентября 1915 г. въ залѣ Бетховена въ Нью-Іоркѣ. **)

„Тяжелое положеніе евреевъ въ воюющихъ странахъ, ужасающія право-ограниченія, безстыдные навѣты, жестокое изгнаніе населенія цѣлыхъ губерній, малые и большіе еврейскіе погромы въ то самое время, когда сотни тысячъ еврейскихъ солдатъ проливаютъ свою кровь на фронтѣ всѣхъ воюющихъ армій; нужда, страданія и лишенія милліоновъ нашихъ братьевъ повсюду, гдѣ свирѣпствуетъ война, требуютъ отъ насъ, американскихъ евреевъ, рѣшительныхъ и быстрыхъ шаговъ, направленныхъ къ освобожденію евреевъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ они ограничены въ правахъ.

Эти шаги преслѣдуютъ двоякую цѣль: они должны прежде всего завоевать общественное мнѣніе въ Америкѣ и въ Европѣ, пробудить возмущеніе и протесты всѣхъ прогрессивныхъ партій и всѣхъ г л а с н ы х ъ американскаго и европейскаго общества противъ еврейскаго безправія, освѣдомлять прессу Америки и другихъ странъ о положеніи евреевъ и пробить ту стѣну безразличія, которою окружены еврейскія бѣдствія. Эти шаги должны затѣмъ заставить американское правительство и оффиціальныхъ представителей американскаго народа защищать права евреевъ на мирномъ конгрессѣ, который будетъ созванъ послѣ войны. Въ программу еврейской дѣятельности должны войти также обращенія къ Интернаціоналу, мирному конгрессу и подобнымъ учрежденіямъ.

Само собой разумѣется, что послѣдствія и результаты этой дѣятельности будутъ тѣмъ болѣе значительными и длительными, чѣмъ больше еврейскихъ массъ она объединитъ. Вотъ почему делегаты еврейскихъ рабочихъ въ Америкѣ полагаютъ, что желательно и необходимо объединеніе со всѣми классами, группами и еврейскими партіями за общее выступленіе въ защиту еврейскихъ правъ.

---

*) Переводъ изъ книги „La guerre et les juifs“ изд. партіи Поалэ-Ціонъ, Гаага 1916 г.

**) На конгрессѣ были представлены слѣдующія организаціи, насчитывающія триста пятьдесятъ тысячъ членовъ мужчинъ и женщинъ: соединенные еврейскіе рабочіе синдикаты (United Hebrew Trades), рабочій кружокъ еврейскій національный рабочій союзъ, евр йская рабочая соціалистическая партія Поалэ-Ціонъ, еврейская соціалистическая федерація (S. P.), соціалистическо-территоріалистическая партія, союзъ „форвертсъ“.

Національный рабочій конгрессъ не упускаетъ изъ виду разнообразія взглядовъ различныхъ еврейскихъ круговъ на разрѣшеніе еврейскаго вопроса,—чѣмъ и объясняется наличіе тренія между еврейскими партіями. Но конгрессъ тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что именно въ настоящій моментъ общая платформа можетъ стать предметомъ объединеннаго выявленія воли всего еврейскаго народа въ защиту его правъ.

Вотъ лозунги этой платформы: гражданское, политическое и національное равноправіе еврейскаго народа во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ ограниченъ въ правахъ.

Это предложеніе является одновременно и положительнымъ и отрицательнымъ. Въ отрицательномъ смыслѣ оно означаетъ отмѣну ограниченій, существующихъ для евреевъ нѣкоторыхъ странъ въ соціальномъ, экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ. Эти ограниченія многочисленны и разнообразны; такъ, напримѣръ, въ Россіи—черта осѣдлости, процентныя ограниченія при поступленіи въ учебныя заведенія; въ Галиціи—употребленіе родного языка; въ Румыніи—отказъ въ признаніи евреевъ гражданами; въ Палестинѣ—ограниченія въ иммиграціи и пріобрѣтеніи недвижимыхъ имуществъ;—словомъ, весь длинный списокъ ограничительныхъ нормъ для евреевъ.

Въ положительномъ смыслѣ платформа предполагаетъ созданіе признанныхъ государственнымъ правомъ и обезпеченныхъ международными гарантіями учрежденій, которыя сдѣлаютъ возможнымъ осуществленіе національной автономіи и свободнаго національнаго развитія во всѣхъ странахъ, гдѣ живутъ евреи,—въ Россіи, Австро-Венгріи, Румыніи, Палестинѣ и т. д. Платформа содержитъ требованія, формулированныя въ программахъ всѣхъ еврейскихъ національныхъ партій и всѣми еврейскими національными организаціями. Въ этотъ великій историческій моментъ она можетъ объединить воѣ партіи и организаціи. Всѣ пункты, не признанные другими партіями, исключаются изъ общей платформы.

Палестинскій вопросъ можетъ быть поставленъ на порядокъ дня Всеобщаго Еврейскаго Конгресса только на такой платформѣ, которую мы выше очертили.

Національный рабочій конгрессъ поручаетъ своему бюро принять участіе въ конференціи еврейскихъ національныхъ корпорацій, которыя созовутъ всеобщій еврейскій конгрессъ делегатовъ, избранныхъ мѣстными организаціями на демократическихъ началахъ. Делегаты національнаго рабочаго комитета голосуютъ на этой конференціи за конгрессъ съ порядкомъ дня въ духѣ этой резолюціи.

Резюмируя всѣ эти соображенія, конгрессъ, въ сознаніи необходимости полнаго объединенія всѣхъ еврейскихъ силъ для борьбы за права евреевъ, заявляетъ:

1. Совмѣстная дѣятельность организованныхъ еврейскихъ рабочихъ съ другими группами и классами еврейскаго народа осуществима на основѣ платформы, способной объединить максимумъ еврейскихъ общественныхъ силъ. Такой конгрессъ долженъ состоять изъ делегатовъ, избранныхъ мѣстными еврейскими организаціями на демократическихъ началахъ.

2. Платформа этого конгресса должна быть формулирована слѣдующимъ образомъ: автономія въ гражданскомъ (civique), политическомъ и національномъ отношеніяхъ для евреевъ всѣхъ странъ, гдѣ ихъ права ограничены. Отъ евреевъ этихъ странъ—Россіи, Галиціи, Румыніи, Палестины и т. д.—будетъ зависѣть точное опредѣленіе требованій національныхъ правъ и національной автономіи.

Въ случаѣ, если конференція національныхъ корпорацій не приметъ нашего порядка дня, національный рабочій комитетъ не приметъ участія въ конгрессѣ и покинетъ конференцію. Организаціи, составляющія комитетъ, будутъ затѣмъ свободны дѣйствовать согласно ихъ мнѣнію и принципамъ".

III.

Резолюція общей конференціи еврейскихъ рабочихъ организацій Англіи,

принятая 12 сентября 1915 г. въ Лидсѣ *).

„Еврейскій пролетаріатъ, какъ часть націи, подвергающейся, благодаря ея ненормальному національному, политическому и экономическому положенію, наибольшему риску войны, выражаетъ свое пламенное желаніе увидѣть скорый конецъ кровавымъ столкновеніямъ между державами.

Помимо того, еврейскій рабочій классъ изъ глубины своего сердца стремится увидѣть скорое возрожденіе Интернаціонала, призваннаго посвятить себя высокой миссіи братскаго сближенія между народами, демократическому рѣшенію европейскаго конфликта, стремленію къ освобожденію пролетаріата отъ ига капитализма, созданію возвышеннаго соціальнаго строя, который сдѣлаетъ невозможными всякія войны.

---

*) Рабочія организаціи Лондона были представлены делегатами Рабочей Лиги защиты еврейскихъ правъ.—Взято изъ вышеупомянутой книги „La guerre et les juifs".

Такъ какъ демократическая Англія вступила въ союзъ съ Россіей, самой реакціонной европейской державой, угнетающей малыя народности и въ частности еврейскую, мы требуемъ отъ англійскаго народа,—въ особенности же отъ пролетаріата,—чтобы онъ побудилъ свое правительство помѣшать Россіи угнетать и преслѣдовать ея собственное населеніе, принадлежащее къ различнымъ національностямъ и въ особенности—прекратить преслѣдованія евреевъ и организацію погромовъ.

Мы также заявляемъ, что обязанностью народовъ является вліять на свои правительства, чтобы тѣ разрѣшили національные вопросы Европы на демократической основѣ, въ духѣ защиты правъ подчиненныхъ народовъ, а также и національныхъ меньшинствъ—повсюду и безъ всякихъ исключеній. Вотъ почему мы требуемъ равенства правъ для евреевъ Россіи, Румыніи и всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ они таковыми не пользуются, отмѣны ограниченія иммиграціи и колонизаціи въ Палестинѣ и во всѣхъ другихъ странахъ".

IV.

Резолюція II конференціи Еврейской Народнической партіи „Идише Фолкспартей".

„Признавая, что постановка еврейскаго вопроса въ международной плоскости должна согласоваться съ формами многогосударственнаго бытія еврейскаго народа, и стремясь къ признанію еврейскаго народа, наравнѣ съ другими не-государственными народами, субъектомъ международнаго права, Всероссійскій Еврейскій Съѣздъ долженъ:

I. Выступить передъ Временнымъ Правительствомъ и органами международнаго общественнаго мнѣнія за постановку на международную почву вопроса объ обезпеченіи гражданскихъ и національныхъ правъ еврейскаго народа, рядомъ съ вопросомъ о другихъ негосударственныхъ народахъ.

II. Добиваться въ указанномъ международномъ порядкѣ отъ соотвѣтствующихъ государствъ не только уничтоженія всякихъ ограниченій, касающихся евреевъ, но и установленія въ нихъ фактическаго гражданскаго и политическаго равноправія; въ тѣхъ же государствахъ, въ коихъ со стороны евреевъ будутъ предъявлены требованія особаго публично-правового обезпеченія національнаго самоопредѣленія — въ видѣ ли автономіи, или иначе,— на таковыхъ требованіяхъ всемѣрно настаивать передъ соотвѣтствующими правительствами.

III. Требовать, чтобы права, которыми въ каждой странѣ пользуются иностранцы, не находились въ зависимости отъ религіи и національности".

V.

Постановленія третьей международной конференціи малыхъ національностей въ Лозаннѣ *).

27, 28 и 29 іюня н. ст. 1916 г. состоялась въ Лозаннѣ третья интернаціональная конференція представителей угнетенныхъ народностей, въ которой принимали участіе 23 націи, прокламируя полную свободу всѣхъ національностей.

Единогласно была принята резолюція о правѣ каждаго народа бороться за свое полнѣйшее національное и политическое самоопредѣленіе; была подчеркнута необходимость созданія справедливаго образа правленія, который даетъ возможность каждой націи равно, какъ и каждому индивидууму, развить свои силы и способности.

Мы передаемъ вкратцѣ содержаніе принятой декларації правъ.

I. Право личности.

Никто не можетъ быть преслѣдуемъ изъ-за своего происхожденія, языка или религіи; никоимъ образомъ не допустимо издѣвательство или неуваженіе по отношенію къ гражданскому равноправію, къ вѣротерпимости и къ свободному употребленію своего языка.

Никакихъ различій не существуетъ между всѣми расами міра; всѣ должны быть равны передъ закономъ.

II. Право національностей.

Каждая нація, связанная между собою общностью происхожденія, языка, бытовыхъ и др. традицій, имѣетъ право на свободное развитіе. Нація существуетъ, какъ интернаціональное юридическое лицо.

Въ основѣ существованія государства должна быть верховная власть, какъ выраженіе народной воли, свободно манифестированной.

Не должно быть никакихъ аннексій, ни территоріальныхъ перегруппировокъ вопреки волѣ и интересамъ народовъ, населяющихъ области, охваченныя волной военныхъ дѣйствій.

Конференція также высказывается противъ принудительной эмиграціи. Ни завоеванія, ни пролитая кровь при оккупаціи страны, ни прежніе захваты территорій, ни мирный захватъ (pénétration pacifique) страны, ни даже нарушеніе естественныхъ

*) Изъ „Еврейской Недѣли“ № 30 за 1916 г.

границъ не даютъ права на порабощеніе народовъ или на захватъ ихъ родной страны.

Съ цѣлью признанія и учрежденія правъ націй долженъ быть возстановленъ Интернаціональный Трибуналъ Гаагской мирной конференціи (или учрежденъ другой, подобный ему, институтъ).

Истинные представители народовъ, избранные или заслуженные общественные дѣятели должны передать Интернаціональной Конференціи требованія и желанія своихъ народовъ. Эта же конференція возстановитъ этнографическія границы національностей, согласно научно установленнымъ правовымъ нормамъ.

III. Автономія.

Внутренняя жизнь страны: національныя группы государства имѣютъ неотъемлемое право на самоуправленіе по своему собственному усмотрѣнію. Въ областяхъ, населенныхъ смѣшанными народностями, которыя отличаются другъ отъ друга обычаями и нравами, долженъ быть учрежденъ режимъ (régime de statuts personnels) личнаго устава избранными національными институціями *), которые обезпечатъ своимъ народамъ право преподаванія на ихъ родныхъ языкахъ, равно какъ и свободу религій.

IV. Дополнительныя права націи.

Національности безъ территорій должны имѣть право на самостоятельную жизнь и на развитіе въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Право торговли съ сосѣдями, право передвиженія посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и другими способами должны обезпечить свободный доступъ къ морю и свободу расширенія колоній (эмиграція, коммерція и т. д.).

VI.

Декларація правъ и обязанностей націй,

принятая Американскимъ Институтомъ Международнаго Права въ засѣданіи 6-го янв. 1916 г. **)

Принимая во вниманіе, что національный законъ цивилизованныхъ государствъ признаетъ и защищаетъ право жизни,

*) Мы передаемъ здѣсь точный текстъ „Еврейской Недѣли". Имѣется, очевидно, въ виду персонально-автономныя учрежденія.

**) Переводъ съ французскаго текста, взятаго изъ журнала „Revue politique et parlementaire" отъ 10 марта 1916 г.; см статью Prof. A. Lapradelle: „La voix du droit en Amérique et la guerre". Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками англійскаго подлинника.

право свободы, право преслѣдованія счастья, прибавленное деклараціей независимости Соединенныхъ Штатовъ, право юридическаго равенства, право собственности и, наконецъ, право свободнаго осуществленія всѣхъ этихъ правъ, и

принимая во вниманіе, что эти основныя права, такимъ образомъ всеобще признанныя, создаютъ обязанность отдѣльныхъ частей народа соблюдать ихъ, и

принимая во вниманіе, что—согласно политической философіи Декларациіи независимости Соединенныхъ Штатовъ и вселенской практикѣ (pratiqne universelle) американскихъ республикъ—націи или правительства разсматриваются какъ созданія народа, выводящія свои законныя полномочія изъ согласія управляемыхъ и учреждены людьми для заботы объ ихъ безопасности и счастьѣ и для обезпеченія имъ пользованія ихъ основными правами;

принимая во вниманіе, что нація есть лицо юридическое, созданное закономъ и подчиненное закону подобно лицу физическому въ политическомъ обществѣ;

принимая во вниманіе, что мы полагаемъ, что эти основныя права могутъ быть перенесены въ условія международнаго права и примѣнены къ отношеніямъ членовъ международнаго общенія другъ къ другу точно такимъ же образомъ, какъ они примѣняются во взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ или подданныхъ тѣхъ государствъ, которыя образуютъ международное общеніе;

принимая во вниманіе, что эти основныя права національнаго правопорядка (de jurisprudence nationale), а именно: право жизни, право свободы, право преслѣдованія счастья, право равенства передъ закономъ, право собственности и право соблюденія всѣхъ этихъ правъ, будучи перенесены въ условія международнаго права, составляютъ: право націи на существованіе, право независимости и свободы развитія безъ ограниченія или контроля другихъ націй, право равенства передъ закономъ, право на территорію внутри опредѣленныхъ границъ и на исключительность юрисдикціи на этой территоріи и право соблюденія этихъ основныхъ правъ.

Американскій Институтъ международнаго правъ въ виду всего этого въ своемъ первомъ засѣданіи, происходившемъ въ Вашингтонѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, 6-го янв. 1916 г., принимаетъ шесть слѣдующихъ статей вмѣстѣ съ комментаріемъ къ нимъ, въ качествѣ его декларациі правъ и обязанностей націй.

Декларація правъ и обязанностей націй.

I. Всякая нація имѣетъ право существовать, защищать и сохранять свое существованіе, но это право не означаетъ пра-

вомочія и не оправдываетъ факта совершенія какимъ-либо государствомъ, въ интересахъ своей защиты и собственнаго существованія, неправомѣрныхъ актовъ по отношенію къ невиннымъ государствамъ, не причинившимъ ей (націи) никакого зла.

II. Всякая нація имѣетъ право на независимость въ томъ смыслѣ, что она имѣетъ право преслѣдованія счастья и что она свободна развиваться безъ всякаго вмѣшательства и давленія другихъ государствъ, предполагая, что, дѣйствуя такъ, нація не совершаетъ вмѣшательства или насилія надъ справедливыми правами другихъ государствъ.

III. Всякая нація равна передъ закономъ всякому другому государству, входящему въ международное общеніе, и всѣ государства имѣютъ право требовать и, согласно декларації независимости Соединенныхъ Штатовъ, занять на ряду съ державами земного шара особое и равное положеніе, на которое ей даютъ право естественныя и божественныя права.

IV. Всякая нація имѣетъ право владѣть территоріей въ опредѣленныхъ границахъ и осуществлять на этой территоріи исключительную юрисдикцію, включая и всѣхъ иностранцевъ, находящихся на ней.

V. Всякая нація имѣетъ право въ силу закона націй (en vertu de la loi des nations) на то, чтобы ея существенныя права были уважаемы и защищаемы всѣми другими націями, потому что право и обязанность соотносительны, и, гдѣ имѣется право для одного, имѣется обязанность для всѣхъ.

VI. Международное право является одновременно національнымъ и международнымъ. Національнымъ оно является въ томъ смыслѣ, что оно выступаетъ въ качествѣ закона страны и въ качествѣ такового примѣняется при рѣшеніи вопросовъ, касающихся его принциповъ; международнымъ оно является въ томъ смыслѣ, что оно является закономъ международнаго общенія, и что оно примѣняется во всѣхъ вопросахъ, возникающихъ въ отношеніяхъ между членами международнаго общенія, касающихся его принциповъ.

VII.

Изъ ноты Германіи и Австро-Венгріи съ предложеніемъ начать мирные переговоры.

(1 дек. 1916 г.)

...„Четыре союзныя державы были вынуждены взяться за оружіе для защиты своихъ существованій, свободы и національнаго развитія. Подвиги ихъ армій ничего не измѣнили въ этомъ

отношеніи. Ни разу онѣ не уклонились отъ того убѣжденія, что уваженіе къ правамъ другихъ націй не находится ни въ какомъ противорѣчіи съ ихъ собственными законными правами и интересами. Онѣ не желаютъ раздавить или уничтожить своихъ противниковъ.

Увѣренныя въ своей военной и экономической силѣ и готовыя, если это окажется необходимымъ, продолжать до конца навязанную имъ борьбу, но одновременно съ этимъ одушевленныя желаніемъ прекратить кровопролитіе и поставить конецъ ужасамъ войны, четыре союзныя державы предлагаютъ немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ.

Онѣ убѣждены, что предложенія, которыя ими будутъ сдѣланы и которыя будутъ имѣть цѣлью обезпеченіе существованія, чести и свободнаго развитія ихъ народовъ, окажутся пригодными для того, чтобы послужить основой для возстановленія прочнаго мира.

Если, несмотря на это предложеніе мира и примиренія, борьбѣ суждено будетъ продлиться, то четыре союзныя державы твердо намѣрены довести ее до побѣдоноснаго конца, торжественно отклонивъ всякую отвѣтственность передъ человѣчествомъ и исторіей".

VIII.

Изъ первой ноты президента Вильсона о мирѣ.

(отъ 6-го дек. 1916 г.) *)

„Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ поручилъ мнѣ предложить (слѣдуетъ названіе соотвѣтствующаго государства) планъ дѣйствій по отношенію къ настоящей войнѣ, который, какъ онъ надѣется, правительство приметъ во вниманіе, такъ какъ это предложеніе дѣлается самымъ дружескимъ образомъ и исходитъ не только отъ друга, но также и отъ представителя нейтральной націи, интересы которой въ высшей степени серьезно затронуты войной и желаніе которой видѣть наискорѣйшее окончаніе этой войны вытекаетъ изъ явной необходимости установить мѣры для обезпеченія этихъ интересовъ на случай продолженія войны".

...„Президентъ предлагаетъ найти случай, чтобы узнать отъ воюющихъ націй о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ, по ихъ мнѣнію, можетъ быть закончена война, и о тѣхъ соглашеніяхъ, которыя были бы признаны удовлетворительной гарантіей противъ возобно-

*) Изъ газетъ 12 дек. 1916 г.

вленія или возбужденія подобнаго конфликта въ будущемъ, дабы всесторонне сравнить ихъ.

Президентъ относится совершенно безразлично къ тѣмъ средствамъ, съ помощью которыхъ можетъ быть осуществлена эта цѣль, но онъ былъ бы счастливъ, если бы могъ содѣйствовать или хотя бы сдѣлать починъ для достиженія этой цѣли любымъ способомъ, который можетъ оказаться пріемлемымъ. Онъ не имѣетъ въ виду опредѣлять метода или средствъ.

Для достиженія великой цѣли, къ которой онъ стремится, всѣ способы одинаково пріемлемы для него, и онъ позволяетъ себѣ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что цѣли, къ которымъ государственные дѣятели обѣихъ воюющихъ сторонъ стремятся въ этой войнѣ, по существу одинаковы, на что въ общихъ чертахъ и указывалось ими ихъ народамъ и всему міру. Каждая сторона желаетъ сдѣлать вопросы права и привилегіи слабыхъ народовъ и малыхъ государствъ столь же обезпеченными противъ агрессивныхъ дѣйствій или отрицанія ихъ въ будущемъ, какъ права и привилегіи великихъ, могущественныхъ державъ, участвующихъ нынѣ въ войнѣ.

Каждая сторона желаетъ быть обезпечена въ будущемъ наряду съ другими націями и народами противъ повторенія войнъ, подобно этой, и противъ нападеній и эгоистическаго вмѣшательства какого бы то ни было рода; каждая сторона противъ образованія какихъ-либо новыхъ соперничающихъ лигъ для поддержки неопредѣленнаго равновѣсія силъ среди все увеличивающейся подозрительности, и въ то же время каждая сторона готова образовать лигу націй для обезпеченія мира и справедливости на всемъ свѣтѣ. Но прежде, однако, чѣмъ этотъ окончательный шагъ можетъ быть предпринятъ, каждая сторона считаетъ необходимымъ предварительно закончить настоящую войну на такихъ условіяхъ, которыя обезпечили бы независимость, территоріальную неприкосновенность, политическую и коммерческую свободу вовлеченныхъ въ войну націй. Народъ и правительство Соединенныхъ Штатовъ столь же жизненно и непосредственно заинтересованы въ мѣрахъ которыя должны быть приняты для обезпеченія всеобщаго мира въ будущемъ, какъ и правительства странъ, находящихся нынѣ въ войнѣ. Кромѣ того, Соединенные Штаты столь же живо заинтересованы въ средствахъ, которыя будутъ приняты для избавленія небольшихъ, болѣе слабыхъ народовъ отъ опасностей, несправедливости и насилія, какъ и всякій другой народъ и всякое другое правительство.

Соединенные Штаты готовы ревностно стремиться содѣйствовать осуществленію этихъ цѣлей, когда война будетъ окончена, и употреблять для этого все свое вліяніе и всѣ средства, находящіяся въ ихъ распоряженіи. Но война должна быть прежде

закончена. Соединенные Штаты не берутъ на себя указывать условія, на которыхъ она должиа быть прекращена, но президентъ чувствуетъ, что его право и его долгъ указать, что въ ихъ интересахъ ея прекращеніе, чтобы не оказалось слишкомъ поздно для разрѣшенія тѣхъ крупныхъ задачъ, которыя ждутъ своей очереди послѣ окончанія войны; чтобы положеніе нейтральныхъ націй, въ настоящее время чрезвычайно тяжелое, не стало совершенно невыносимымъ и чтобы цивилизаціи не было нанесено столь большого ущерба, что уже никогда не удастся его загладить и возмѣстить".

IX.

Отвѣтная нота державъ согласія на ноту Вильсона. *)

„Союзныя правительства получили ноту, переданную имъ 6 (19) декабря 1916 г. отъ имени правительства Соединенныхъ Штатовъ. Они изучили ее со вниманіемъ, котораго требовало отъ нихъ какъ ясное сознаніе важности момента, такъ и искренняя дружба, связывающая ихъ съ американскимъ народомъ.

Они считаютъ необходимымъ, прежде всего, заявить, что они воздаютъ должное возвышенности чувствъ, вдохновляющихъ американскую ноту и всемѣрно сочувствуютъ проекту образованія лиги народовъ для обезпеченія мира и справедливости во всемъ мірѣ.

Они признаютъ всѣ преимущества, которыя дсставитъ человѣчеству и цивилизаціи созданіе международныхъ постановленій, имѣющихъ цѣлью предотвращать столкновенія между народами, постановленій, которыя должны были бы имѣть необходимыя санкціи для обезпеченія ихъ выполненія и воспрепятствованія тому, чтобы видимая безопасность не облегчала бы лишь новыя нападенія.

Однако, обсужденіе будущихъ соглашеній, направленныхъ къ обезпеченію прочнаго мира, предполагаетъ прежде всего удовлетворительное разрѣшеніе настоящаго конфликта. Союзники испытываютъ столь же глубокое желаніе, какъ и правительство Соединенныхъ Штатовъ, видѣть возможно скорѣйшее окончаніе войны, за которую отвѣтственны центральныя имперіи и которая причиняетъ человѣчеству столь жестокія страданія.

Но они не считаютъ возможнымъ нынѣ же достигнуть мира, который обезпечилъ бы имъ удовлетвореніе нарушенныхъ интересовъ, возстановленіе попранныхъ правъ и тѣ гарантіи, на которыя имъ даетъ право произведенное на нихъ нападеніе, въ коемъ отвѣтственны центральныя державы и которое по

*) Изъ газетъ отъ 1 янв. 1917 г.

самому существу своему имѣло цѣлью нарушить безопасность Европы,—мира, который съ другой стороны далъ бы возможность создать прочныя основы будущаго европейскихъ народовъ. Союзные народы сознаютъ, что они сражаются не за эгоистическіе интересы, но прежде всего для защиты независимости народовъ, для защиты права и человѣчности ..

„Союзныя правительства считаютъ своимъ долгомъ самымъ дружественнымъ, но въ то же время и самымъ категорическимъ образомъ возразить противъ допущеннаго въ американской нотѣ приравненія одной группы воюющихъ державъ другой; это приравненіе, основанное на публичныхъ заявленіяхъ центральныхъ державъ, находится въ полномъ противорѣчіи съ очевидностью какъ въ вопросѣ объ отвѣтственности за прошлое, такъ и въ вопросѣ о гарантіяхъ на будущее; президентъ Вильсонъ, упомянувъ объ этомъ уподобленіи, очевидно, не имѣлъ въ виду признать справедливость такового.

Если есть историческій фактъ, установленный въ настоящее время, то таковымъ является агрессивный духъ Германіи и Австро-Венгріи, направленный къ обезпеченію ихъ гегемоніи въ Европѣ и ихъ экономическаго господства во всемъ мірѣ. Германія доказала объявленіемъ войны, равно какъ послѣдовавшимъ немедленно за этимъ нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи и Люксембурга и способомъ веденія ею борьбы, свое постоянное презрѣніе къ принципамъ человѣчности и свое полное неуваженіе къ правамъ маленькихъ государствъ.

По мѣрѣ развитія конфликта образъ дѣйствій центральныхъ державъ и ихъ союзниковъ являлъ собою примѣръ постояннаго вызова человѣчеству и цивилизаціи. Нужно ли напоминать объ ужасахъ, сопровождавшихъ вторженіе въ Бельгію и Сербію, объ ужасномъ режимѣ, установленномъ въ захваченныхъ странахъ, объ избіеніи сотенъ тысячъ беззащитныхъ армянъ, о проявленіяхъ варварства въ отношеніи населенія Сиріи, о налетахъ цеппелиновъ на незащищенные города, объ уничтоженіи подводными лодками пассажирскихъ пароходовъ и торговыхъ судовъ, даже подъ нейтральными флагами, о жестокомъ обращеніи съ военноплѣнными, объ юридическихъ убійствахъ миссъ Кабель и капитана Фрайята, о насильственномъ выводѣ гражданскаго населенія и обращеніи его въ рабство и т д.? Совершеніе ряда такихъ преступленій, учиненныхъ, несмотря на всеобщее осужденіе ихъ, въ полной мѣрѣ, объяснитъ президенту Вильсону протестъ союзниковъ.

Они считаютъ, что нота, переданная ими Соединеннымъ Штатамъ въ отвѣтъ на германскую ноту, содержитъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный американскимъ правительствомъ, и является, по выраженію этого послѣдняго, „публичнымъ заявле-

ніемъ о тѣхъ условіяхъ, на *коихъ война могла бы быть окончена*". Президентъ Вильсонъ желаетъ большаго, онъ желаетъ, чтобы воюющія державы вполнѣ открыто заявили, какія цѣли онѣ себѣ ставятъ, продолжая войну. Союзники безъ труда могутъ отвѣтить на эту просьбу. Поставленныя ими цѣли войны хорошо извѣстны. Онѣ были неоднократно формулированы главами отдѣльныхъ союзныхъ правительствъ. Эти цѣли войны будутъ сообщены во всѣхъ подробностяхъ и со всѣми требованіями о компенсаціяхъ и справедливомъ вознагражденіи за причиненный ущербъ, лишь въ моментъ переговоровъ. Но цивилизованный міръ знаетъ, что въ цѣли эти необходимымъ образомъ включаются въ первую очередь возстановленіе Бельгіи, Сербіи и Черногоріи и справедливое возмѣщеніе понесеннаго этими странами ущерба, очищеніе занятыхъ территорій во Франціи, Россіи и Румыніи, со справедливымъ вознагражденіемъ, реорганизація Европы, гарантированная режимомъ прочнымъ и основаннымъ *какъ на уваженіи къ національностямъ*, такъ и на правѣ ихъ на полную безопасность и на свободу экономическаго развитія, принадлежащемъ *всѣмъ какъ великимъ, такъ и малымъ народамъ*, и въ то же время на территоріальныхъ соглашеніяхъ и международныхъ постановленіяхъ, имѣющихъ цѣлью обезпечить сухопутныя и морскія границы противъ неоправдываемыхъ необходимостью нападеній, возвращеніе провинцій или территорій, отторженныхъ у союзниковъ силой, вопреки волѣ населенія, освобожденіе итальянцевъ и румынъ, чеховъ и словаковъ отъ иностраннаго владычества, освобожденіе народностей, находящихся подъ кровожаднымъ игомъ турокъ, вытѣсненіе изъ Европы оттоманской имперіи, совершенно чуждой западной цивилизаціи. Намѣренія Его Величества Императора Всероссійскаго по отношенію къ Польшѣ были ясно указаны въ недавнемъ приказѣ Государя Императора по арміи и флоту. Само собой разумѣется, что союзники желаютъ избавить Европу отъ грубыхъ вожделѣній прусскаго милитаризма, но въ ихъ цѣли никогда не входило, вопреки дѣлавшимся утвержденіямъ, уничтоженіе германскихъ народовъ и ихъ политическое исчезновеніе.

Они желаютъ, прежде всего, обезпечить миръ на принципахъ свободы, справедливости, нерушимой вѣрности международнымъ обязательствамъ, каковые принципы неизмѣнно воодушевляли правительство Соединенныхъ Штатовъ.

Объединенные въ преслѣдованіи этой возвышенной цѣли, союзники одушевлены рѣшимостью, какъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, такъ и всѣ сообща, сдѣлать все, что въ ихъ власти, и принести всѣ жертвы, дабы довести до побѣднаго конца конфликтъ, отъ котораго, по ихъ убѣжденію, зависитъ не только благоденствіе и спасеніе, но и будущность самой цивилизаціи.

X.

Изъ ноты центральныхъ имперій нейтральнымъ государствамъ. *)

Если противники четверного союза требуютъ, главнымъ образомъ, возстановленія попранныхъ правъ свободы, а также признанія принципа національностей и свободнаго существованія небольшихъ государствъ, то достаточно взглянуть на трагическую судьбу, постигшую народы Ирландіи и Финляндіи, на уничтоженіе свободы и независимости бурскихъ республикъ, на закабаленіе Сѣверной Африки Англіею, Франціею и Италіею, наконецъ, на безпримѣрное въ исторіи насиліе, жертвой котораго стала Греція, чтобы оцѣнить искренность подобныхъ ихъ требованій.

Австро-венгерское правительство констатируетъ, что оно и союзныя съ нимъ правительства выразили готовность войти въ устный обмѣнъ мнѣній съ непріятельскими правительствами съ цѣлью окончить войну; далѣе оно констатируетъ, что вопросъ о вступленіи на стезю мира зависѣлъ исключительно отъ рѣшенія ихъ противниковъ. Предъ Богомъ и человѣчествомъ австро-венгерское правительство отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за продолженіе войны".

---

*) Изъ газетъ отъ 1 янв. 1917 г.

Что касается германской ноты, то ея точное содержаніе не приводилось въ газетахъ, имѣлась объ этомъ только слѣдующая телеграмма:

СТОКГОЛЬМЪ, 30-XII. Изъ Берлина сообщаютъ.

„Германская нота существеннымъ образомъ отличается отъ австрійской ноты. Нота говоритъ о политикѣ Англіи, направленной на изиліированіе Германіи, о политикѣ реванша со стороны Франціи, о стремленіи Россіи захватить Константинополь и вновь упоминаетъ о „преждевременной мобилизаціи" Россіи.

Нота гласитъ далѣе: „Германія обратилась къ оружію для защиты своей свободы и своего существованія въ то время, какъ непріятельскія державы желаютъ захватить Эльзасъ Лотарингію и рядъ провинцій Пруссіи, унизить и ослабить Германію, раздѣлить Турцію и раздробить Болгарію. Непріятель не зналъ мирныхъ условій четверного союза и не противопоставилъ имъ своихъ предложеній. Онъ только объявилъ миръ невозможнымъ".

Нота затѣмъ, подобно австрійской, указываетъ на Ирландію, на страну буровъ, на подчиненіе Сѣверной Африки, на притѣсненіе Россіею инородцевъ, а также на Грецію.

XI.

Изъ оффиціознаго отвѣта Англіи на ноту центральныхъ державъ *).

ЛОНДОНЪ, 1-I. Агентство Рейтера уполномочено сообщить нижеслѣдующее:

„Въ хорошо освѣдомленныхъ великобританскихъ кругахъ по поводу послѣднихъ австрійской и германской нотъ, обращенныхъ къ нейтральнымъ державамъ, высказываются слѣдующіе взгляды.

„Въ утвержденіяхъ германскаго правительства имѣются нѣкоторые пункты, которые необходимо опровергнуть какъ можно скорѣе.

. . . . . .

. . . . . .

Германцы упрекаютъ въ отсутствіи искренности предложенія союзниковъ, относящіяся къ правамъ малыхъ національностей, и въ доказательство этого указываютъ на режимъ, примѣняемый Англіей, Франціей и Италіей по отношенію къ ирландцамъ и бурамъ и народамъ Сѣверной Африки, на гнетъ Россіи надъ инородческими національностями, на поведеніе союзниковъ по отношенію къ Греціи.

Ирландскіе націоналисты и бурскія республики выказали не разъ на полѣ битвы въ теченіе настоящей войны то, что германцы испытали на собственномъ опытѣ, а именно, что, каковы бы ни были конфликты между этими народностями и Великобританіей, онѣ единодушно сплотились въ общемъ съ Великобританской имперіей стремленіи отразить германское нашествіе.

Что касается до народностей Сѣверной Африки, то развѣ въ началѣ войны германцы не владѣли въ Африкѣ также обширными колоніями и не пріобрѣли ихъ тѣмъ же путемъ, какимъ французы, англичане и итальянцы пріобрѣли господствующее положеніе въ Сѣверной Африкѣ?

Что касается до Россіи, которую германцы представляютъ страною, гдѣ малыя національности находятся подъ гнетомъ, то не является ли въ такомъ случаѣ страннымъ, что вся русская нація, какъ одно цѣлое, объединилась противъ общаго врага?

Что же касается Греціи,—союзники, являющіеся на основаніи трактата державами-покровительницами, потребовали

*) Изъ газетъ 3-го Января 1917 г.

только гарантій, на которыя, въ силу особаго ихъ положенія они имѣютъ право, для того, чтобы обезпечить безопасность своихъ собственныхъ войскъ противъ германскихъ интригъ".

XII.

Вторая нота президента Вильсона *)

(заявленіе въ Сенатѣ).

9-го января, вечеромъ, американскій посолъ въ Петроградѣ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ ноту, къ которой былъ приложенъ текстъ заявленія, сдѣланнаго президентомъ Вильсономъ въ сенатѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 2 часа дня 9-го же января. Текстъ этого заявленія слѣдующій:

„Господа сенаторы! 18-го минувшаго декабря я обратился съ тождественной нотой къ правительствамъ воюющихъ націй, въ которой просилъ ихъ высказаться болѣе опредѣленнымъ образомъ, чѣмъ это до сихъ поръ было сдѣлано тою и другою изъ воюющихъ сторонъ, относительно тѣхъ условій, на которыхъ они полагали бы возможнымъ заключить миръ.

При своемъ выступленіи я основывался на соображеніяхъ гуманности, равно какъ на правахъ всѣхъ нейтральныхъ націй, между прочимъ, и нашей націи, жизненные интересы которой благодаря войнѣ постоянно затрагиваются.

Центрально-европейскія государства единогласно отвѣтили лишь въ томъ смыслѣ, что они готовы встрѣтиться со своими врагами на конференціи для того, чтобы сообща обсудить условія мира.

Государства четверного согласія дали значительно болѣе опредѣленный отвѣтъ: они заявили, хотя и въ общихъ выраженіяхъ, но достаточно опредѣленно, дабы можно было бы дополнить подробностями, какія соглашенія, гарантіи, искупительные акты они сочли бы неизбѣжнымъ условіемъ мирнаго договора. Такимъ образомъ, мы значительно приблизились къ опредѣленному обсужденію того мира, которымъ закончится нынѣшняя война. Мы значительно приблизились къ обсужденію того международнаго строя, который отнынѣ будетъ призванъ охранять всесвѣтный миръ. Вѣдь само собою разумѣется, что съ какой бы стороны ни обсуждался грядущій миръ, который закончитъ эту войну, этотъ миръ долженъ сопровождаться точно опредѣленнымъ соглашеніемъ международнаго характера,

*) Изъ газетъ отъ 11 Января 1917 года.

которое сдѣлаетъ принципіально невозможнымъ, чтобы подобная настоящей катастрофа когда-либо вновь обрушилась на насъ.

Съ этимъ положеніемъ долженъ согласиться всякій гуманный, здравомыслящій и разсудительный человѣкъ. Я пользуюсь настоящимъ случаемъ, господа сенаторы, чтобы обратиться къ вамъ по этому вопросу, такъ какъ считаю своей обязанностью по отношенію къ сенату, призванному совмѣстно со мною къ работѣ при окончательномъ рѣшеніи вопросовъ нашихъ международныхъ обязательствъ, вполнѣ искренно раскрыть передъ вами свои мысли и свои намѣренія въ томъ видѣ, какъ они сложились у меня по вопросу о долгѣ нашего правительства въ грядущіе дни, когда придется заново заложить фундаментъ международнаго мира.

Немыслимо, чтобы Соединенные Штаты уклонились отъ участія въ этомъ великомъ дѣлѣ. Намъ представляется случай исполнить передъ человѣчествомъ нашъ долгъ, и мы именно къ этой роли подготовлены руководящими принципами и цѣлями всей нашей политики и установившимися у нашего правительства методами и образомъ дѣйствія съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы создали новую націю во имя возвышенной и благородной надежды служить человѣчеству свѣточемъ на пути къ свободѣ. И нынѣ безъ ущерба для нашей чести мы не можемъ отказаться отъ исполненія своего долга въ этомъ направленіи.

Соединенные штаты вовсе не желаютъ отказываться отъ него. Ихъ долгъ передъ самими собою и передъ прочими націями всего свѣта установить тѣ условія, при которыхъ они будутъ имѣть возможность исполнить свою задачу. Задача наша заключается въ слѣдующемъ: присоединить нашъ престижъ и наше могущество къ престижу и могуществу прочихъ націй съ цѣлью обезпечить всему свѣту миръ и справедливость. Теперь уже недолго придется ждать осуществленія международнаго соглашенія въ этомъ смыслѣ. Но раньше, чѣмъ оно осуществится, наше правительство должно открыто заявить о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно будетъ считать себя вправѣ испросить у народа одобренія своему рѣшенію формальнымъ и торжественнымъ образомъ примкнуть къ лигѣ мира.

Я имѣю въ виду изложить передъ вами свои взгляды на эти условія.

Эта война должна быть сначала закончена, но изъ уваженія къ истинѣ и къ мнѣнію человѣчества мы должны заявить, что, поскольку мы примемъ участіе въ обезпеченіи будущаго мира, для насъ не безразлично, какимъ образомъ и на какихъ условіяхъ эта война закончится.

Трактаты и соглашенія, которыми война завершится, должны заключать условія мира, который былъ бы достоинъ

обезпеченія и охраненія и заслужилъ бы одобреніе человѣчества, а не только служилъ бы различнымъ интересамъ и непосредственнымъ цѣлямъ воюющихъ народовъ.

Мы не будемъ имѣть права голоса при опредѣленіи этихъ условій. Но я увѣренъ, что мы будемъ имѣть право при разрѣшеніи вопроса — насколько гарантіи, зависящія отъ общаго соглашенія, сдѣлаютъ эти договоры долговѣчными или нѣтъ. И наше мнѣніе о томъ, какія условія являются основными и необходимыми для долговѣчности договора, должны быть высказаны теперь, а не послѣ, когда будетъ уже, пожалуй, поздно.

Ни одно соглашеніе объ общемъ мирѣ не явится достаточнымъ обезпеченіемъ противъ войны въ будущемъ, если въ него не пройдутъ и народы Новаго Свѣта, но народы Америки могли бы принять участіе въ обезпеченіи мира, заключеннаго лишь на извѣстныхъ условіяхъ. Основы этого мира должны внушать довѣріе и удовлетвореніе извѣстнымъ принципамъ государствъ Америки. Они должны также быть въ согласіи съ политическими убѣжденіями, съ практическими положеніями, которыя народы Америки приняли разъ навсегда и обѣщали защищать.

Я не хочу сказать, чтобы американское правительство стало противодѣйствовать заключенію мира на условіяхъ, относительно которыхъ воюющія государства пришли бы къ соглашенію, или чтобы мы стали пытаться измѣнить уже подписанныя условія, каковы бы они ни были. Я только утверждаю, что обычныя мирныя условія между воюющими державами не удовлетворятъ даже ихъ самихъ. Обычныя мирныя соглашенія рѣдко обезпечиваютъ прочный миръ.

Является совершенно необходимымъ, чтобы была создана такая сила, которая служила бы гарантіей прочности состоявшагося соглашенія. Эта сила должна быть могущественнѣе не только каждой изъ нынѣ воюющихъ націй, но даже любой коалиціи въ прошедшемъ или будущемъ, такъ чтобы никакой народъ и никакая возможная комбинація народовъ не могла противостать этой силѣ.

Если мы хотимъ, чтобы грядущій миръ оказался долговѣчнымъ, то его слѣдуетъ обезпечить при помощи организованной высшей силы всего человѣчества. Отъ тѣхъ условій, на которыхъ будетъ заключенъ грядущій мирный договоръ, будетъ зависѣть, можно ли будетъ обставить этотъ миръ подобнаго рода гарантіей. Вопросъ, отъ котораго зависитъ какъ будущій миръ, такъ и вся міровая политика, состоитъ въ слѣдующемъ: является ли нынѣшняя война борьбою за справедливый и прочный миръ, или же это только борьба за установле-

ніе новой системы равновѣсія между державами. Если это борьба за новую систему политическаго равновѣсія, то кто сможетъ поручиться за устойчивость новаго равновѣсія?

Европа можетъ быть устойчива только, когда она спокойна. Тутъ нужны не равновѣсіе, а общность силъ, не соперничество, а общій миръ. Къ счастью, мы получили въ этомъ направленіи весьма опредѣленныя завѣренія. Государственные дѣятели въ обоихъ враждебныхъ другъ другу станахъ заявили намъ въ недопускающихъ сомнѣнія выраженіяхъ, что въ ихъ намѣренія отнюдь не входитъ раздавить своихъ враговъ окончательно. Однако, можетъ быть, не всѣ понимаютъ вполнѣ одинаковымъ образомъ тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ этихъ завѣреній. И я считаю полезнымъ изложить эти выводы, какъ мы ихъ понимаемъ.

Въ первую очередь они требуютъ, чтобы грядущій миръ былъ миромъ, не основаннымъ на побѣдѣ одной изъ воюющихъ сторонъ. Да будетъ мнѣ дозволено освѣтить эту мысль съ моей собственной точки зрѣнія, съ тѣмъ, чтобы никѣмъ не предполагалось, что я на самомъ дѣлѣ понимаю ее какъ-нибудь иначе. Я имѣю въ виду считаться съ реальными данными безъ всякихъ оговорокъ. Побѣда означала бы такой миръ, которой былъ бы навязанъ побѣжденной сторонѣ, такъ какъ побѣдитель заставилъ бы побѣжденнаго согласиться на свои условія.

Такой миръ былъ бы сопряженъ съ униженіемъ, съ насиліемъ, съ невыносимыми жертвами. Онъ оставилъ бы послѣ себя жало обиды и горькую память, такъ что такой миръ былъ бы построенъ на пескѣ. Только тотъ миръ можетъ считаться долговѣчнымъ, который заключенъ равнымъ съ равнымъ, который весь основанъ на принципѣ равенства и равнаго участія въ общихъ благахъ.

Чувство правды, чувство международной справедливости настолько же необходимы для установленія прочнаго мира, насколько необходимо для этого правильное разрѣшеніе жгучихъ вопросовъ территоріальнаго, расоваго, національнаго характера. Равенство націй, на коемъ должно впредь покоиться зданіе прочнаго мира, должно выражаться въ ихъ равноправіи. Гарантіи этого равноправія не должны дѣлать различія между великими и малыми державами, между націями могущественными и слабыми.

Право должно опираться на общее могущество всѣхъ націй, отъ соглашенія которыхъ миръ будетъ зависѣть, а не на могущество одной изъ нихъ.

Конечно, это не означаетъ равенства территорій и прочихъ рессурсовъ, ни вообще равенства въ распредѣленіи благъ, поскольку послѣднія не явились результатомъ обычнаго мирнаго и законнаго развитія народовъ.

Но никто не ждетъ и не требуетъ ничего, кромѣ равенства правъ.

Нынѣ человѣчество жаждетъ свободы существованія, а не равновѣсія силъ. Но тутъ имѣется еще болѣе важный элементъ, чѣмъ даже равенство правъ между организованными народам . Не можетъ и не долженъ быть прочненъ такой миръ, который не исходитъ изъ принципа, что правительства заимствуютъ всѣ свои справедливыя полномочія только изъ воли народа, и что никто не имѣетъ права передавать народъ отъ одного государства къ другому, какъ будто бы они были просто вещью.

Если взять отдѣльный примѣръ, то я могу утверждать, что всюду государственные люди согласны въ томъ, чтобы Польша была единой, независимой и самостоятельной, и что впредь всѣми *народами, которые доселѣ жили подъ властью государства*, исповѣдующаго другую вѣру и преслѣдующаго иныя, даже враждебныя этимъ *народамъ, цѣли, что всѣмъ этимъ народамъ должна* быть обезпечена свобода существованія, вѣры и промышленнаго общественнаго развитія.

Я говорю объ этомъ отнюдь не изъ желанія возвеличенія отвлеченныхъ политическихъ принциповъ, какъ бы дороги эти принципы ни были для тѣхъ, кто трудился надъ упроченіемъ свободы въ Америкѣ. Я говорю по той же самой причинѣ, по которой я ранѣе говорилъ и о прочихъ условіяхъ мира, которыя кажутся мнѣ явно неизбѣжными, а именно потому, что я открыто желаю считаться съ реальными данными.

Миръ, который не будетъ основываться на этомъ началѣ, неизбѣжно потерпитъ крушеніе Ему будетъ недоставать опоры, заложенной въ чувствахъ и въ совѣсти человѣчества. Духъ всѣхъ народовъ будетъ упорно и постоянно бороться противъ этого. И весь свѣтъ будетъ этому симпатизировать.

Человѣчество только тогда будетъ въ состояніи жить въ мирѣ, когда его существованіе будетъ устойчивымъ. Но такая устойчивость и не можетъ существовать такъ, гдѣ духъ находится въ возмущеніи, гдѣ нѣтъ спокойствія духа—отсутствуетъ сознаніе права, свободы и справедливости...

Мира нельзя достигнуть безъ уступокъ и жертвъ. Не можетъ существовать увѣренности въ безопасности и сознанія равенства въ отношеніяхъ между государствами, если будутъ продолжаться подавляющія своими размѣрами вооруженія.

Государственные дѣятели должны строить планы о мирѣ и направлять свою политику въ этомъ же духѣ, подобно тому, какъ раньше они строили свои расчеты о войнѣ и постоянно готовились къ соревнованію и безжалостной борьбѣ.

Вопросъ о вооруженіяхъ—все равно, на сушѣ или на морѣ—имѣетъ наиболѣе непосредственное и практическое значеніе въ

связи съ вопросомъ о будущемъ благополучіи всѣхъ націй человѣчества.

Я говорилъ объ этомъ великомъ дѣлѣ вполнѣ откровенно и, по возможности, ясно, такъ какъ мнѣ это казалось необходимымъ, дабы жажда человѣчества къ миру могла получить возможность свободнаго выраженія. Быть можетъ, я являюсь единственнымъ лицомъ, облеченнымъ высокимъ авторитетомъ среди народовъ, который имѣетъ возможность свободно высказаться, ничего не утаивая.

Я говорю въ качествѣ отдѣльнаго лица, но я говорю также въ качествѣ отвѣтственнаго главы великаго государства, и я увѣренъ, что я сказалъ именно то, что желали услышать американскіе граждане. Не могу ли я прибавить, что я надѣюсь и вѣрю тому, что въ дѣйствительности я говорю отъ имени свободомыслящихъ друзей человѣчества въ каждой странѣ, какова бы ни была ихъ программа свободы.

Я хочу вѣрить, что я говорю отъ имени молчаливыхъ народныхъ массъ человѣчества, которыя не имѣли возможность высказаться откровенно относительно смерти дорогихъ имъ людей и разоренія ихъ домовъ.

И выражая предположенія о томъ, что народъ и правительство Соедин. Штатовъ присоединится къ другимъ цивилизованныхъ націямъ въ дѣлѣ обезпеченія постояннаго мира на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я упомянулъ, я говорю съ величайшей гордостью и увѣренностью, такъ какъ всякому мыслящему человѣку ясно, что въ этомъ обѣщаніи нѣтъ нарушенія нашей національной политики, а, наоборотъ, она скорѣе является осуществленіемъ всего того, что нами исповѣдовалось или къ чему мы стремились.

Я предполагаю, что всѣ націи, по общему соглашенію, приняли доктрину президента Монроэ въ качествѣ міровой нормы, а именно, чтобы ни одна нація не стремилась къ распространенію своего господства надъ другой, но чтобы каждому народу было предоставлено право свободнаго самоопредѣленія, а также право слѣдованія по избранному имъ пути развитія безъ препятствій и безъ устрашенія для слабыхъ, какъ и для сильныхъ.

Я предпочитаю, чтобы впредь всѣ націи избѣгали заключенія союзовъ, которые могли бы вовлечь ихъ въ соперничество и внести смуту въ ихъ собственныя дѣла.

Соглашеніе всѣхъ державъ не налагаетъ никакихъ путъ. Когда всѣ объединяются для дѣйствія въ одномъ направленіи и съ одной цѣлью, то всѣ дѣйствуютъ въ общемъ интересѣ и имѣютъ возможность жить своею собственною жизнью подъ общимъ покровительствомъ.

Я предлагаю управленіе, основанное на согласіи управляемыхъ, я предлагаю возстановленіе той свободы людей, на которой граждане Соед. Штатовъ настаивали съ откровенностью, присущей убѣжденнымъ апостоламъ свободы, на слѣдовавшихъ одна за другой международныхъ конференціяхъ. Я также предлагаю такое ограниченіе вооруженія, которое сдѣлало бы арміи и флоты исключительно орудіемъ порядка, и не орудіемъ для нападенія или политическаго проявленія насилія.

Вотъ въ чемъ заключаются американскіе принципы и американская политика. Мы не можемъ отстаивать другихъ принциповъ. Они являются политическими принципами и всѣхъ прогрессивно мыслящихъ мужчинъ и женщинъ и повсюду въ каждой современной націи и въ каждой просвѣщенной общинѣ. Это принципы человѣчества, и они должны восторжествовать".

XIII.

Резолюція VI конференціи (2-6 апр. 1917 г.) Еврейской Соціалистическо - Территоріалистической Рабочей Партіи („с.-с.") объ эмиграціи и территоріализмѣ*).

„Исходя изъ основныхъ предпосылокъ и тезисовъ нашей партійной программы и подтверждая, что исходной точкой осуществленія территоріализма является регулировка стихійной эмиграціи еврейскихъ массъ, конференція считаетъ нужнымъ:

1) включить задачи эмиграціонной и колонизаціонной политики въ сферу компетенціи органовъ еврейской національной автономіи,

2) создать международный еврейскій органъ для регулировки еврейской эмиграціи".

XIV.

Изъ манифеста организаціоннаго комитета стокгольмской конференціи.

Въ числѣ общенаціональныхъ пунктовъ манифеста мы находимъ слѣдующіе:

„Разрѣшеніе національныхъ вопросовъ въ смыслѣ свободы національнаго самоопредѣленія. Международная регламентація національной автономіи, предусматривающая преобразованіе госу-

*) Переводъ съ еврейскаго.

дарствъ, состоящихъ изъ различныхъ національностей, въ федераціи, причемъ территоріи съ преобладающимъ населеніемъ какой-нибудь опредѣленной національности явятся политически автономными частями этихъ федерацій, національностямъ же, находящимся въ меньшинствѣ, будетъ предоставлена свобода культурнаго развитія".

Спеціальный еврейскій пунктъ гласитъ:

„Международное разрѣшеніе еврейскаго вопроса и личная автономія евреевъ въ областяхъ Россіи, Австріи, Румыніи и Польши, гдѣ евреи живутъ крупными однородными группами, а также содѣйствіе колонизаціи евреями Палестины".

XV.

Изъ наказа, даннаго делегату Центр. Исполн. Комитета Совѣтовъ Раб. и Солд. Депутатовъ:

п. 7-ой:

„Румынія возстанавливается въ прежнихъ границахъ съ обязательствомъ дать полное самоопредѣленіе Добруджи, которая получаетъ временную автономію Румынія обязывается немедленно привести въ исполненіе постановленія берлинскаго трактата объ евреяхъ и признать ихъ равноправными румынскими гражданами"

Тип. „Экономія". Птрг. Пет. Ст., Геслеровскій пер., д. № 15-а.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе 5

I.—Постановка вопроса 9

II.—Національное сознаніе и стремленіе къ объединенію 12

III.—Историчность еврейской національности . . . 19

IV.—Многогосударственность бытія и международное признаніе 24

V.—Формула международнаго признанія 31

VI.—Критическое обоснованіе и развитіе принципа международнаго признанія еврейства 52

Заключеніе 69

Приложенія 71

